V
375
on
Rod

Способу
от автора.

Е. К. РЕДИНЪ.

ПРОФЕССОРЪ

НИКОДИМЪ ПАВЛОВИЧЪ КОНДАКОВЪ

Къ тридцатилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

1844

H. Kouzguol

Е. К. РѢДИНЪ.

ПРОФЕССОРЪ

НИКОДИМЪ ПАВЛОВИЧЪ КОНДАКОВЪ.

Къ тридцатилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности.

175819

БИБЛІОТЕКА
БОГОСЛОВСКОЙ
АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Пров. 1955

N
8375
Ком
Ред

Напечатано по распоряженію Отдѣленія археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. 20-го сентября 1896 года.

Секретарь Отдѣленія *С. Жебелевъ.*

Изъ девятаго тома «Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Труды Отдѣленія археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской» Книга вторая, страницы 1—40.

11-го октября 1896 года исполняется тридцатилѣтіе ученой и педагогической дѣятельности профессора Н. П. Кондакова. Императорское Русское Археологическое Общество, высоко цѣня труды своего сочлена, неоднократно удостоивало наиболѣе значительные изъ нихъ высшей своей награды. Исполняя желаніе редакціи „Трудовъ Отдѣленія археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской", мы предлагаемъ нижеслѣдующій очеркъ тридцатилѣтней дѣятельности Н. П. на научномъ поприщѣ.

Никодимъ Павловичъ Кондаковъ родился въ 1844 году, въ Новооскольскомъ уѣздѣ, Курской губерніи [1]). Первоначальное образованіе онъ получилъ въ приходскомъ училищѣ въ Москвѣ, затѣмъ во 2-й Московской гимназіи, что на Разгуляѣ, и, по окончаніи въ ней курса, поступилъ въ 1861 году въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету. Въ бытность свою въ университетѣ слушалъ лекціи по исторіи искусствъ приватъ-доцента К. К. Гёрца, но главнымъ направленіемъ своихъ спеціальныхъ занятій по этому предмету обязанъ Ѳ. И. Буслаеву. По окончаніи курса кандидатомъ, Н. П. Кондаковъ преподавалъ, съ 1865 по 1870 годъ, русскій языкъ и словесность во 2-й Московской гимназіи и военномъ Александровскомъ училищѣ, а также русскую исторію съ археологіею въ Московской школѣ

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка главными источниками служили: труды проф. Кондакова и біографическія замѣтки съ перечнемъ его трудовъ: Маркевича въ его «Двадцатипятилѣтіи Императорскаго Новороссійскаго университета» (З. Имп. Н. У. LIII, 302—305) и самого проф. Кондакова въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета», Спб., 1896, I, 337—340.

живописи и ваянія. Въ 1867 году имъ была сдѣлана первая поѣздка за-границу для изученія памятниковъ классическаго искусства.

Уже первыя работы Н. П. Кондакова касаются того предмета, который впослѣдствіи составилъ излюбленную его спеціальность, христіанской археологіи вообще и памятниковъ византійскаго искусства въ частности. Въ эту область занятій, какъ имѣющую наиболѣе важное отношеніе для изученія отечественныхъ памятниковъ, очевидно, направлялъ его Ѳ. И. Буслаевъ, капитальнымъ трудомъ котораго, составляющимъ эпоху въ исторіи русской археологической науки: „Общія понятія о русской иконописи“, открывается тотъ журналъ, гдѣ помѣщены первыя работы Н. П. Кондакова. Это статьи, напечатанныя въ „Сборникѣ на 1866 годъ, изданномъ Обществомъ древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ музеѣ“: 1) Древне-христіанскіе храмы, 2) Православное искусство въ Сербіи, 3) Англо-саксонскій крестъ VIII столѣтія. Всѣ три статьи характера критическо-библіографическаго.

Въ первой статьѣ авторъ весьма подробно излагаетъ содержаніе трудовъ Гюбша [1]) и Мотеса [2]) о христіанскихъ храмахъ, извлекая изъ нихъ лишь наиболѣе существенныя мѣста—обобщенія и вводя въ силу этого читателя непосредственно въ основу вопроса; при этомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, авторомъ высказывается уже и собственная точка зрѣнія на тотъ или иной вопросъ.

Во второй статьѣ, на основаніи работъ Канитца [3]), Н. П. Кондаковъ знакомитъ съ памятниками сербскаго искусства, находившагося въ тѣсной связи съ искусствомъ византійскимъ и отчасти западнымъ; стиль западной архитектуры и орнаментовъ въ сербскихъ памятникахъ самостоятельно отмѣчается въ русскомъ памятникѣ—Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Въ третьей статьѣ авторъ знакомитъ на основаніи труда Дитриха [4]) съ замѣчательнымъ англо-саксонскимъ крестомъ VIII в., въ г. Рутвеллѣ, въ древнемъ Нортумберландѣ, возвышающемся на четыреугольномъ обелискѣ.

Въ 1870 г. Никодимъ Павловичъ былъ приглашенъ на каѳедру теоріи и исторіи искусствъ въ Императорскій Новороссійскій университетъ. 9 сентября 1871 г. имъ была прочтена здѣсь вступительная

---

[1]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen nach den Baudenkmalen etc., Karlsruhe, 1862.

[2]) Mothes, Die Basilikenform, ihre Vorbilder und Entwickelung, Leipzig, 1865.

[3]) Kanitz, Serbiens byzantinische monumente, Wien, 1862 и др.

[4]) Dietrich, De cruce Ruthvellensi et de auctore versuum in illa inscriptorum qui ad passionem Domini pertinent... Marburgi, 1865.

лекція на тему: „Наука классической археологіи и теорія искусства". Эта лекція служитъ блестящимъ введеніемъ къ послѣдующей дѣятельности его и какъ ученаго, и какъ университетскаго преподавателя. Она—свидѣтельство того, какъ глубоко и основательно подготовленъ былъ начинающій профессоръ къ своей будущей дѣятельности, какъ широко онъ охватывалъ свой предметъ. Лекція эта въ то же время—историческій документъ для исторіи преподаванія исторіи искусствъ въ нашихъ университетахъ. Хотя со времени чтенія этой лекціи прошло уже 25 лѣтъ, въ теченіе которыхъ интересъ къ исторіи искусства болѣе возросъ въ нашемъ обществѣ, но еще и теперь во многомъ остаются вѣрными высказанныя въ ней положенія. И въ наше время приходится повторять, „что только непосредственное преподаваніе предмета можетъ создать болѣе или менѣе обширный кругъ читателей, составить наукѣ репутацію насущно необходимой для образованнаго человѣка, каковою теперь и признается наука исторіи искусства на Западѣ" (стр. 3—4) [1]).

Въ указанной лекціи авторъ указываетъ на то, что теорія искусства стоитъ въ тѣсной связи съ его исторіей и лишь, почерпая факты въ ней, можетъ являться дѣйствительной наукой; далѣе, что наука исторіи искусствъ солидарна съ другими историческими науками; этимъ опредѣляется ея характеръ и предстоящія ей задачи. Лекцію свою Никодимъ Павловичъ заканчиваетъ указаніемъ на то, какого состоянія наука классической археологіи достигла за послѣднія двадцать пять лѣтъ.

Въ 1893 году Н. П. Кондаковъ защитилъ въ Московскомъ университетѣ магистерскую диссертацію: Памятникъ Гарпій изъ Малой Азіи и символика греческаго искусства. Опытъ исторической характеристики (Одесса, 1873). Въ этомъ сочиненіи авторъ задался цѣлью разсмотрѣть знаменитые надгробные рельефы, извѣстные въ исторіи греческаго искусства подъ именемъ „Памятники Гарпій". Критически оцѣнивъ предшествовавшую литературу касательно этого памятника и давъ краткій очеркъ ликійской миѳологіи, Н. П. Кондаковъ предлагаетъ сначала внѣшнее описаніе памятника и украшавшихъ его скульптуръ, а затѣмъ подробно разбираетъ сюжеты западной и восточной сторонъ и угловыя фигуры сѣверной и южной, причемъ, на основаніи этого разбора, имъ уясняются многіе вопросы, касающіеся символики

[1]) Ср. замѣчанія Н. П. Кондакова тождественнаго характера по поводу реферата Прохорова на 2 археол. съѣздѣ. Труды 2 арх. съѣзда въ Петербургѣ, Спб., 1881, вып. 2, 42.

древняго искусства. Въ заключительной главѣ изслѣдуется стиль памятника Гарпій и время его происхожденія. „Возобновляя теперь,— говоритъ авторъ,—вновь вопросъ о памятникѣ Гарпій, который, по нашему окончательному убѣжденію, еще долго будетъ занимать науку, мы не имѣемъ претензіи представить разсужденіе всестороннее, тѣмъ менѣе результаты окончательные и характеристику рѣшающую. Тамъ, гдѣ ошибались ученые съ такими знаніями, какъ у Гергарда и Панофки, и такими блестящими талантами, какъ у Бахофена, простительно заблуждаться всякому. Нѣкоторые пункты памятника Гарпій и вообще не могутъ быть вполнѣ объяснены при современномъ положеніи науки древнѣйшаго греческаго искусства по недостатку аналогическихъ указаній въ памятникахъ, и мы поэтому за лучшее считали ограничивать попытки разъясненія такихъ пунктовъ предѣлами, за которыми начинаются лишь безполезныя и безплодныя гаданія. Основною задачею нашею былъ анализъ содержанія памятника въ его собственной сферѣ и историческая характеристика его отношеній къ аналогическимъ явленіямъ греческаго искусства вообще“. Все сочиненіе Н. П. Кондакова написано съ удивительнымъ критическимъ талантомъ, съ способностью глубокаго проникновенія въ смыслъ и содержаніе художественнаго произведенія.

Уже въ началѣ 70-хъ годовъ Н. П. Кондаковъ началъ практически интересоваться археологіей и посѣщать тѣ мѣста въ Россіи, гдѣ производились археологическія розысканія. Результатъ его наблюденій надъ самими розысканіями и открытіями, дѣлавшимися во время нихъ, находимъ, между прочимъ, въ его интересныхъ корреспонденціяхъ, помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1874 г. [1]). Вопросу о древностяхъ, открытыхъ на югѣ Россіи—былъ посвященъ рефератъ Н. П. на второмъ археологическомъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ [2]): „О нѣкоторыхъ мелкихъ предметахъ древности, найденныхъ въ Аккерманѣ въ 1867 году“.

Перечисливъ всѣ найденные въ Аккерманѣ памятники, авторъ высказываетъ предположеніе, не былъ-ли Тирасъ, теперь Аккерманъ, простой факторіей той богатой общины, члены которой для своихъ торговыхъ цѣлей разсыпались по всей окружающей мѣстности, внизъ и вверхъ по Лиману и Днѣстру.

Заканчивая свое сообщеніе, онъ высказываетъ то общее положе-

---

[1]) Мы можемъ указать на письмо «Изъ Керчи» (13 авг., № 202) и «Съ Кавказскаго побережья» (№ 208).

[2]) Труды 2-го Петерб. арх. съѣзда, вып. I, отд. III, стр. 20—24, Спб. 1876.

ніе, котораго строго придерживался всегда въ своей дѣятельности практика-археолога въ примѣненіи къ другимъ вопросамъ: „Строгая провѣрка (различныхъ предположеній) въ связи съ постояннымъ контролемъ надъ всѣми крупными и мелкими находками въ данныхъ мѣстностяхъ одна въ состояніи поставить на прочныхъ основаніяхъ исторію этого уголка античнаго міра въ нашей родинѣ. Что бы ни утвердили эти разслѣдованія, всегда дѣйствительность, хотя и жалкая, лучше роскошныхъ, но праздныхъ мечтаній и толковъ, поддерживаемыхъ притомъ зачастую мотивами, чуждыми наукѣ“ (стр. 24).

Въ 1873 г. Н. П. предпринялъ поѣздку въ Грузію, съ цѣлью изученія архитектуры грузинскихъ церквей. Результатомъ этого изученія было его сочиненіе, помѣщенное въ Трудахъ Имп. Московскаго Археол. Общ. (т. VI, 1876 г.). Это сочиненіе, какъ и большая часть послѣдующихъ, въ наукѣ археологіи, является оригинальнымъ, вносящимъ много новаго и вѣрнаго для пониманія грузинской архитектуры, ея происхожеенія, ея значенія. Наука археологіи для грузинской архитектуры со времени Дюбуа де-Монперё [1]) сдѣлала весьма мало. Броссе въ своемъ трудѣ [2]) касается почти исключительно эпиграфическихъ памятниковъ; художественное изданіе Гримма [3]) не предлагаетъ ничего новаго по части научныхъ выводовъ и опредѣленій; Іосселіани въ различныхъ своихъ статьяхъ не даетъ, собственно, никакихъ археологическихъ свѣдѣній; въ изданіи князя Гагарина краткій текстъ повторяетъ Дюбуа. „За Дюбуа и притомъ единственно за нимъ, — говоритъ проф. Кондаковъ, —остается заслуга научнаго разсмотрѣнія церковныхъ памятниковъ“. Но наука археологіи, въ той части, которая должна была служить для Дюбуа основаніемъ, исторія византійскаго искусства, была несовершенной; отсюда, по словамъ автора, слѣдуетъ a priori, что постановка вопроса о грузинской архитектурѣ далеко не можетъ соотвѣтствовать требованіямъ современной науки... одни роскошныя изданія памятниковъ безъ подробной критической ихъ оцѣнки, еще не создаютъ науки археологіи; изданіе матеріаловъ дѣло само по себѣ полезное, но оно должно идти рука объ руку съ разработкой ихъ, иначе эти матеріалы попрежнему останутся сырьемъ. Между тѣмъ, въ подобномъ застоѣ вопроса есть и своя опасность, — онъ способствуетъ укорененію неправильныхъ или искаженныхъ взглядовъ, которые съ особеннымъ усердіемъ поддерживаются диллетантизмомъ; поль-

[1]) Dubois de Montpereu, Voyage autor du Caucase. Paris, 1839.

[2]) Voyage archéologique en Transcause etc.

[3]) Monuments d'architecture byzantine en Géorgie et en Arménie, St.-Pétersbourg, 1859.

зуясь отсутствіемъ критики и всякихъ точныхъ свѣдѣній, онъ расположаетъ тогда особенно много суевѣрій" (стр. 214). Задачею труда Н. П. Кондакова было представить систематическій обзоръ архитектурныхъ памятниковъ Грузіи, историческій анализъ ихъ и указать на отношенія грузинской архитектуры къ исторіи христіанскаго искусства.

Задача выполнена строго научно и трудъ Н. П. является вкладомъ въ науку археологіи. Краткіе результаты его изложены въ изданіи „Русскія Древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ", вып. 4 (Спб., 1891); въ качествѣ дополненія здѣсь присоединено описаніе отдѣльныхъ памятниковъ и многочисленныя иллюстраціи, впервые воспроизводящія замѣчательные рисунки-копіи архитектора Норева, исполненные имъ еще въ 1847—1848 г.г. Основнымъ положеніемъ автора является то, что грузинская архитектура представляетъ одну изъ многочисленныхъ вѣтвей византійскаго искусства, на національной основѣ выработавшую оригинальныя типическія особенности, которыя и даютъ ей право на самостоятельное мѣсто въ исторіи искусства, что въ ней есть движеніе, исторія, а не одно только мертвое повтореніе оцепенѣвшихъ формъ, какъ принято глядѣть на все восточное вообще и византійское въ частности.

Разсматривая грузинскіе храмы въ ихъ архитектурныхъ планахъ, изслѣдователь находитъ, что они въ этомъ отношеніи наименѣе оригинальны и тѣснѣе всего примыкаютъ къ памятникамъ собственно византійской архитектуры; грузинская архитектура усвоила себѣ планъ, выработанный византійскою архитектурою во второмъ періодѣ ея развитія, планъ базилики съ куполомъ, купольнаго продолговатаго зданія; типичность грузинскихъ храмовъ, заключается, главнымъ образомъ, въ ихъ внѣшнемъ видѣ; въ стремленіи къ выработкѣ внѣшняго вида зданія грузинская архитектура слѣдовала тѣмъ же новымъ принципамъ, незнакомымъ первоначальному византійскому искусству, какимъ слѣдовала и западно-европейская, такъ-называемая романская архитектура въ средніе вѣка; архитектурная орнаментація внутренности грузинской церкви отличается крайней бѣдностью; она сохраняетъ вполнѣ всѣ черты поздняго византинизма; способы церковныхъ росписей не отличаются ничѣмъ отъ византійскихъ, какъ тѣ сложились въ позднѣйшемъ періодѣ его развитія; грузинская живопись представляетъ крайній упадокъ византійскаго стиля. Не перечисляя далѣе всѣхъ результатовъ указываемаго труда, приведемъ лишь заключительныя слова его: „Намъ остается лишь пожелать, чтобы наука археологіи взялась, наконецъ, рѣшительно за эти важнѣйшіе вопросы христіанскаго искусства, ка-

ковы вѣтви византійскаго искусства въ славянскихъ земляхъ, Россіи, Грузіи, Италіи и пр. Кромѣ высокаго обще-историческаго интереса, эти вѣтви дадутъ и обильный художественный матеріалъ, который съ пользой можетъ быть разрабатываемъ въ настоящее время, когда ясна стала необходимость основать развитіе будущихъ формъ на изученіи великаго прошлаго, и когда попытки къ созданію оригинальныхъ произведеній въ области христіанскаго искусства все еще даютъ одинъ пустоцвѣтъ" (стр. 267). Это пожеланіе автора не осталось безрезультатно; оно отчасти исполнилось благодаря трудамъ другихъ ученыхъ, а, главнымъ образомъ, въ его собственныхъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ трудовъ Н. П. Кондакова является его изслѣдованіе въ области исторіи византійскаго искусства, открывающее собою эпоху для византиновѣдѣнія. Это „Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей" (Одесса, 1876). Для подготовленія къ этому труду матеріала, для изученія памятниковъ Н. П. получилъ заграничную командировку (съ 1 марта 1875 г. по 1 августа 1876 г.). Для болѣе яснаго представленія о томъ, что внесено было имъ изъ результатовъ его заграничныхъ занятій, мы обратимся къ его отчетамъ объ этой командировкѣ.

„Оканчивая свои работы по вопросу о терракотахъ, — говоритъ Н. П. Кондаковъ [1]), — я одновременно занимался памятниками для будущаго моего труда по исторіи византійской миніатюры. Несомнѣнно, что этотъ отдѣлъ памятниковъ представляетъ наибольшую важность въ исторіи византійскаго искусства уже потому, что всѣ остальныя художественныя производства этого искусства не даютъ подобной непрерывной серіи памятниковъ, въ которой возможно было бы прослѣдить на значительномъ пространствѣ времени развитіе искусства; таковы: монументальная живопись, какъ мозаики, такъ и фрески, издѣлія изъ слоновой кости, рѣзьба на деревѣ, эмаль, металлическія производства и пр., хотя иныя изъ этихъ производствъ и представляютъ за то памятникъ самаго ранняго византійскаго искусства. Напротивъ того, миніатюра, и по сравнительной многочисленности произведеній этого рода, которыя идутъ въ непрерывной послѣдовательности, особенно съ начала IX-го и по XIII-й вѣкъ включительно, и по опредѣлимости ихъ датъ, и особенно по ясности сюжетовъ, истолковываемыхъ при помощи текста, который эти миніатюры иллюстрируютъ или сопровождаютъ, — представляетъ всѣ выгоды для изученія черезъ ея произ-

[1]) Отчетъ (съ 1 марта по 1 сент. 1875), отд. отт. изъ XVIII т. Зап. Имп. Нов. Унив., Одесса, 1876.

веденія исторіи византійскаго искусства. Важнѣйшая область археологіи этого искусства — *иконографія* какъ выработалась окончательно послѣ иконоборческой эпохи въ этого рода произведеніяхъ, такъ, поэтому, и въ нихъ, главнымъ образомъ, можетъ быть изучена. Но, при подобной важности своихъ прозведеній, византійская миніатюра доселѣ не была еще предметомъ отдѣльнаго научнаго изученія, за исключеніемъ частныхъ изслѣдованій, принадлежащихъ Россіи... Съ своей стороны, отправляясь отъ той точки зрѣнія, что современная наука въ результатѣ всѣхъ изслѣдованій доселѣ не можетъ ясно отвѣчать на вопросы о томъ, что такое византійское искусство, гдѣ его начало и конецъ, въ чемъ заключалось его развитіе и значеніе, я полагалъ необходимымъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ идти путемъ частныхъ изслѣдованій на почвѣ отдѣльныхъ производствъ, какъ-то: мозаикъ, миніатюръ и пр., возможно точно выдѣляя чисто-византійскіе отъ общехристіанскаго искусства въ древнѣйшую эпоху, отъ древне-христіанскаго, романскаго, такъ-называемой римской школы и проч., при чемъ миніатюра лучше всѣхъ другихъ произведеній выдѣляетъ византійскій типъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, находя главнѣйшій интересъ византійскаго искусства въ его иконографіи, я поставилъ задачею осмотрѣть возможно большее количество памятниковъ этого рода въ европейскихъ библіотекахъ и, считая недостаточнымъ обозрѣвать область византійской миніатюры исключительно по особенностямъ стиля, полагалъ желательнымъ, если возможно, открыть существованіе извѣстныхъ редакцій, черты различія въ типахъ по мѣсту и времени происхожденія, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить и вообще то историческое движеніе, которое существовало въ этой области неизмѣнно, что бы ни говорили о византійской традиціонности и мертвенности".

Имѣя въ виду указанныя цѣли, Н. П. Кондаковъ производилъ свои изслѣдованія греческихъ иллюстрированныхъ рукописей въ вѣнской Hof-Bibliothek, въ библіотекахъ: св. Марка въ Венеціи, канцеляріи греческой церкви въ Венеціи, амброзіанской въ Миланѣ, Падуанскаго собора, въ Парижской національной, лаврентіанской во Флоренціи, ватиканской въ Римѣ и др., въ Британскомъ музеѣ. Въ дополненіе къ этимъ работамъ онъ изучалъ мозаики церкви св. Марка въ Венеціи, которыя играютъ весьма важную роль въ исторіи византійскаго искусства и которыя, по его мнѣнію, не принадлежатъ какой-то особой школѣ живописи, находящейся подъ сѣвернымъ вліяніемъ; изучалъ [1]) мозаики Рима, Равенны — съ

[1]) 2-й отчетъ (съ 1 сент. 1875 по 1 марта 1876).

точки зрѣнія какъ формъ и сюжетовъ древне-христіанскаго искусства въ нихъ сохраненныхъ и развитыхъ, такъ и опредѣленій того, какъ этотъ элементъ развивался въ такъ-называемой „римской“ школѣ искусства; съ другой стороны, онъ имѣлъ въ виду выдѣлить и опредѣлить тотъ новый привходящій элементъ въ мозаикахъ Равенны V—VI в., который долженъ именоваться древне-византійскимъ искусствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, найти вліяніе этого элемента въ мозаикахъ Рима за эпоху отъ VII—IX в.

Далѣе Н. П. Кондаковъ занимался изученіемъ барельефовъ христіанскихъ саркофаговъ, стиля, сюжетовъ и иконографическихъ типовъ въ барельефахъ рѣзной деревянной двери въ базиликѣ св. Сабины въ Римѣ, и вновь мозаиками, сохраняющимися въ различныхъ церквахъ Италіи [1]): соборовъ св. Юста въ Тріестѣ, св. Марка въ Венеціи, церкви на о. Торчелло и Мурано близъ Венеціи, во флорентинскомъ бантистеріи, въ Луккѣ и въ нѣкоторыхъ церквахъ Рима: св. Марка, св. Петра въ Узѣхъ и пр., собора въ Салерно, капеллы Палатинской или дворцовой въ Палермо, Марторана или св. Маріи Адмиральской тамъ же, собора въ Монреалѣ, собора въ Чефалу и др. Всѣ эти мозаики изучены имъ въ отношеніи стиля, иконографіи, техники, и въ отношеніи вопроса о ихъ происхожденіи. Общіе его выводы по всѣмъ этимъ вопросамъ таковы: всѣ эти мозаики Италіи суть несомнѣнныя произведенія византійскаго искусства; всѣ онѣ, за немногими исключеніями, ограничиваются воспроизведеніемъ выработанныхъ и узаконенныхъ византійскихъ формъ и типовъ, а также композицій сюжетовъ евангельскихъ и библейскихъ; общность византійскаго происхожденія мозаикъ разныхъ мѣстностей Италіи доказывается, главнымъ образомъ, тождествомъ техническимъ.

„Исторія византійскаго искусства“ Н. П. Кондакова, по общему признанію всѣхъ писавшихъ о ней, является произведеніемъ замѣчательнымъ. Въ немъ впервые надлежащимъ образомъ устанавливается исторія византійскаго искусства, отмѣчаются главныя эпохи его и даются блестящія характеристики ихъ, устанавливается ближайшая связь различныхъ памятниковъ искусства—монументальной и мелкой производительности, намѣчаются пути византійской иконографіи въ ея отношеніи къ литературѣ, церковной догмѣ и т. д., затрогивается попутно масса вопросовъ, касающихся исторіи, быта, религіи Византіи, отношенія ея памятниковъ къ памятникамъ Запада.

„Смѣло можно сказать,—говоритъ В. В. Стасовъ,—во всей евро-

[1]) 3-й отчетъ (съ 1 марта по 1 августа 1876 г.).

пейской литературѣ нѣтъ книги о византійской миніатюрной живописи, равной этой по изумительно обширному знакомству съ византійскими рукописями европейскихъ библіотекъ. Все, что писано объ этомъ предметѣ по-французски, по-нѣмецки, по-англійски и по-итальянски, представляется лишь небольшими, частными отрывками. Профессоръ Кондаковъ изучалъ заразъ и подлинные памятники, и все, что о нихъ было писано" [1]). „Никто болѣе проф. Кондакова,—говоритъ Байэ въ рецензіи на эту книгу во французскомъ переводѣ [2]),—не видѣлъ и не изучалъ болѣе рукописей съ византійскими миніатюрами, никто не можетъ говорить съ большей компетенціей, чѣмъ онъ, и большая часть главъ этихъ двухъ томовъ бросаетъ новый свѣтъ на исторію развитія византійской живописи". „Это сочиненіе,—по словамъ Шпрингера въ предисловіи къ французскому переводу,—правда, трактуетъ объ одной только вѣтви византійскаго искусства, миніатюрахъ; но относительно такой, о которой до сихъ поръ были самыя смутныя и поверхностныя представленія; авторъ поучаетъ насъ смотрѣть на эти миніатюры, какъ на продуктъ византійской цивилизаціи; онъ указываетъ намъ на связь ея съ умственнымъ состояніемъ народа и высшаго класса; онъ заставляетъ проходить предъ нашими глазами не только наиболѣе излюбленныя формы этого искусства, но и указываетъ на всѣ измѣненія, которымъ подвергалось оно въ теченіе вѣковъ; мы обязаны, такимъ образомъ, Кондакову, если не полной исторіей византійскаго искусства, то весьма драгоцѣнной и существенной частью ея" (стр. 7). „Всѣ компетентные люди,—говоритъ онъ же,—согласны признать, что книга Кондакова представляетъ намъ исторію византійскаго искусства въ новомъ свѣтѣ, безконечно болѣе блестящемъ, чѣмъ представляли ее доселѣ" (стр. 12). Дѣйствительно, чтобы оцѣнить новый методъ проф. Кондакова, нужно знать точку зрѣнія и пріемы прежнихъ изслѣдователей византійской миніатюры. Въ предисловіи къ своему сочиненію (во франц. перев. во 2-й главѣ) [3]) авторъ дѣлаетъ обзоръ трудовъ прежнихъ изслѣдователей: „онъ указываетъ точку зрѣнія и пріемы извѣстныхъ старыхъ археологовъ, какъ Монфоконъ и Дюканжъ; опредѣляетъ значеніе капитальныхъ работъ д'Аженкура, Дидрона, Лабарта; далѣе, нѣмецкой школы — Румора, Ваагена, Шнаазе, Унгера; указываетъ труды „русской школы", въ особенности Буслаева, и развѣ только у нашего

---

[1]) В. В. Стасовъ, Собраніе сочиненій, Спб., 1894, II, 726.

[2]) Byz. Zeitschr., V (1896), 192.

[3]) Изложеніе этой главы заимствуемъ у автора критической замѣтки въ «В. Е.», 1887, I, 406—408.

ученаго находитъ широкій историческій пріемъ, который стремится объяснить произведенія искусства (въ настоящемъ случаѣ византійской миніатюры) въ связи съ идеальнымъ настроеніемъ вѣка и съ содержаніемъ литературы. Прежніе историки отчасти заняты были еще первоначальнымъ приведеніемъ въ извѣстность самаго матеріала, и хотя доставили въ этомъ отношеніи высокозамѣчательные труды, какъ д'Аженкуръ, но далеко не владѣли запасомъ свѣдѣній, которыя освѣтили бы историческія связи произведеній искусства, необходимыя для объясненія ихъ характера и содержанія. У другихъ присоединялось къ этому тенденціозное предубѣжденіе (какъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ историковъ искусства), и въ результатѣ доходило до того, что историки византійской миніатюры отрицали за ней всякое національное значеніе, считая ея произведенія дѣломъ личной фантазіи рисовальщиковъ и ставили ее въ этомъ отношеніи ниже мозаики, эмали, издѣлій металлическихъ, въ которыхъ все-таки видѣли общій, слѣдовательно, національный стиль. Нашъ авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ подобную точку зрѣнія. Онъ, напротивъ, придаетъ византійской миніатюрѣ важное историческое значеніе, во-первыхъ, потому, что съ внѣшней стороны ея произведенія, представляющія почти непрерывную нить отъ IV вѣка до самаго паденія византійской имперіи, въ древнемъ періодѣ византійскаго искусства восполняютъ пробѣлъ въ нѣсколько столѣтій, отъ которыхъ не сохранилось произведеній монументальнаго искусства; во-вторыхъ, потому, что, со стороны внутренней, византійская миніатюра заключаетъ въ себѣ всѣ данныя настоящаго художественнаго развитія, тѣсно связаннаго съ національнымъ характеромъ и эпохой, представляющаго историческую послѣдовательность явленій и тѣсную связь съ содержаніемъ литературы. Свою исторію византійской миніатюры Кондаковъ обставляетъ рядомъ художественныхъ и культурныхъ соображеній, которыя вполнѣ оправдываютъ его мысль. Начать съ того, что прежніе археологи, частью недостаточно знакомые съ византійской литературой и церковной жизнью, брали произведенія миніатюры въ отдѣльности и потому могли не усмотрѣть ихъ внутренняго значенія, т.-е. именно того, что давало имъ національно-художественный смыслъ. Нашъ авторъ указываетъ, что прежде всего произведенія миніатюры должны разсматриваться въ ихъ естественной связи, и если сравнивать по группамъ и въ хронологической послѣдовательности миніатюры евангелій, миніатюры менологіевъ, миніатюры псалтыри, миніатюры писаній отцовъ церкви и т. д., онѣ прежде всего представятъ извѣстную однородность, связь и развитіе, принадлежащее явленію типическому

и слѣдовательно, никакъ не случайному и только личному. Съ другой стороны, миніатюра тѣсно связана съ исторіей самого общества: она была по преимуществу церковная, какъ и въ дѣйствительности церковные интересы были въ тѣ вѣка господствующимъ элементомъ умственной и нравственной жизни общества. И въ этой области миніатюра вовсе не была результатомъ поощреній двора, какъ нѣкоторые историки ея думали, но, напротивъ, самостоятельнымъ созданіемъ монастырскаго искусства, которое развивалось подъ вліяніемъ господствовавшихъ надъ обществомъ настроеній и имѣло свою дѣятельную роль“...

Такова широкая постановка изучаемаго предмета у Н. П. Кондакова и къ какимъ результатамъ она приводитъ, уже было указано.

Не входя въ подробное изложеніе содержанія указаннаго труда, отмѣтимъ только, что въ немъ исторія византійской миніатюры разсмотрѣна во всей широтѣ, во всѣ періоды: въ древнѣйшую эпоху (IV—V в.), когда античное искусство возрождается на почвѣ Греціи, и Византія въ собственномъ смыслѣ еще не проявляетъ своего національнаго характера; въ періодъ процвѣтанія византійскаго искусства, открывающагося блестящей эпохой царствованія Юстиніана, въ иконоборческій періодъ, періодъ вторичнаго процвѣтанія (въ концѣ IX в.), начало котораго—эпоха блестящаго состоянія миніатюры, а конецъ — паденіе, ведущее къ окончательному разложенію художественныхъ формъ въ теченіе XIII—XIV в.

Трудъ этотъ, какъ упомянуто, переведенъ на французскій языкъ въ изданіи „Международной Библіотеки искусства“ (Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures, I—II, Paris, 1886—1891). Переводъ снабженъ, хотя, къ сожалѣнію, не многочисленными, но прекрасными иллюстраціями, отчасти заимствованными изъ приложеннаго къ русскому тексту альбома рисунковъ [1])—копій самого Н. П. Кондакова, отчасти новыми и многими исправленіями, дополненіями.

Нельзя не пожелать, чтобы этотъ трудъ съ введеніемъ новыхъ дополненій, касающихся новооткрытыхъ или становящихся теперь лишь извѣстными рукописей, а также другихъ отраслей византійскаго искусства, для уясненія которыхъ не мало поработалъ Н. П. Кондаковъ, былъ переизданъ на русскомъ языкѣ и чтобы честь перваго изданія болѣе или менѣе полной исторіи византійскаго искусства принадлежала русской наукѣ.

Трудъ Н. П. Кондакова въ настоящее время имѣетъ высокое зна-

---

[1]) XIV табл. рисунковъ, Одесса, 1877.

ченіе въ наукѣ, вліяніе его уже сказалось на Западѣ въ пробужденіи интереса къ изученію памятниковъ византійскаго искусства, въ изданіи ихъ, въ отдѣльныхъ монографіяхъ о нихъ: авторы послѣднихъ въ трудѣ нашего ученаго находятъ богатый источникъ, изъ котораго они почерпаютъ исходныя точки отправленія для своихъ изслѣдованій. Еще большее значеніе и важность имѣетъ „Исторія византійскаго искусства“ для нашей археологической литературы. Уже первые рецензенты этого труда (по присужденію ему золотой медали въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ) [1]) обратили по справедливости главное вниманіе на его значеніе въ этомъ отношеніи: „Для изучающихъ отечественную археологію,—говорятъ они,—знакомство, близкое и дѣльное, съ византійскою стариною представляется необыкновенно важнымъ и существенно необходимымъ во многихъ отношеніяхъ: Византія легла въ основу нашей общественной, церковно-исторической и художественной жизни, и поэтому каждый трудъ, посвященный ознакомленію насъ съ тѣми или другими византійскими источниками, заслуживаетъ полнаго уваженія и благодарности. Основаніе серьезному изученію у насъ византійскаго искусства положено, главнымъ образомъ, Буслаевымъ; изслѣдованія Ундольскаго, Виноградскаго и архимандрита Амфилохія, познакомили насъ съ нѣкоторыми византійскими рукописями, украшенными миніатюрами. Но никто изъ этихъ лицъ не имѣлъ въ своихъ рукахъ такого богатаго матеріала, какъ г. Кондаковъ, и никто изъ нихъ по этому самому не могъ обобщить собранныя ими данныя и дать имъ систематическую постановку“ [2]).

Вслѣдъ за „Исторіей византійскаго искусства“ появился рядъ другихъ трудовъ, касающихся отчасти древне-христіанскаго искусства, отчасти византійскихъ миніатюръ, отчасти византійской мозаики и классическаго искусства. Классическому искуству посвящена статья Н. П. Кондакова о мраморномъ рельефѣ изъ Пантикапеи [3]), относимомъ имъ на основаніи стилистическаго и художественно-миѳологическаго разбора—къ III—II в. до Р. Х., и докладъ, сдѣланный имъ на III Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ „О мелкихъ древностяхъ Кубанской и Терской областей“ [4]). Въ этомъ докладѣ тонко подмѣчается отличіе стилей въ этихъ замѣчательныхъ древнихъ вещахъ, найденныхъ на кавказской почвѣ. Крупнымъ трудомъ по классической археологіи Н. П. Кондакова, напечатан-

---

[1]) Извѣстія Имп. Рус. Арх. Общ., X (Спб., 1884), протоколы, 74.

[2]) Ср. также отзывъ объ этомъ трудѣ въ «В. Е» 1887, I, 408.

[3]) Зап. Одесскаго Общ. Истор. и Древн. X (1877), 16—25.

[4]) Труды Третьяго Археологическаго съѣзда, Кіевъ, 1878, 139—146.

нымъ почти одновременно съ указаннымъ выше, является его сочиненіе „Греческія терракотовыя статуэтки въ ихъ отношеніи къ искусству, религіи и быту“ [1]). Подготовительныя работы къ этому сочиненію были дѣлаемы имъ во время той же заграничной научной командировки, о которой упоминалось выше. „Наука классической археологіи,—говоритъ Н. П. Кондаковъ [2]),—въ послѣдніе годы, видимо, оставляетъ на время формальное изученіе памятниковъ — исторія стилей, школъ доведена теперь въ этомъ отдѣлѣ до замѣчательной научной высоты — и переходитъ къ живому изученію глубокаго содержанія этихъ памятниковъ... Эти мелкія, ремесленныя производства классическаго міра, каковы терракоты, исполнявшіяся въ глинѣ посредствомъ оттиска съ модели, и потому назначавшіяся для распространенія въ народѣ, какъ наши лубочныя картинки, назначены со временемъ дать намъ, вмѣстѣ съ рисунками вазъ, истинное пониманіе греческой религіи въ ея общенародномъ содержаніи и въ историческомъ ея развитіи. Въ виду этой спеціальной цѣли будущей науки археологіи, въ настоящее время, когда открыто уже много памятниковъ этого рода, обзоръ ихъ представляетъ настоятельную потребность современной науки. Съ этой цѣлью осмотрѣны мною коллекціи терракотовыхъ статуэтокъ и другихъ издѣлій въ глинѣ во всѣхъ посѣщенныхъ за этотъ періодъ мною собраніяхъ, какъ-то: Британскаго музея, Лувра, Австрійскаго музея искусствъ и художественной промышленности, Минцъ-кабинета въ Вѣнѣ и др.“

Всестороннюю оцѣнку сочиненія Н. П. Кондакова о греческихъ терракотахъ мы находимъ въ отзывѣ проф. И. В. Помяловскаго (по присужденію большой золотой медали въ Имп. Рус. Арх. Обществѣ) [3]). „Предъ нами новое произведеніе почтеннаго археолога (говорится въ отзывѣ), свидѣтельствующее объ его неустанномъ трудолюбіи и блистательно подтверждающее тѣ лестные приговоры, которые были произнесены надъ его прежними трудами со стороны спеціалистовъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Мало того, разсматриваемая работа показываетъ, что по мѣрѣ дальнѣйшихъ занятій г. Кондакова въ его спеціальности, по мѣрѣ расширенія его кругозора изученіемъ большаго и большаго количества античныхъ памятниковъ, совершенствуются его ученые пріемы, растетъ желаніе обобщенія. Это послѣднее явленіе съ особенною рѣзкостью проявляется въ разсматриваемомъ трудѣ, что зависитъ, помимо преуспѣянія самого автора, и отъ избран-

[1]) Зап. Одес. Общ. Истор. и Древн. XI (1879), 75—179.
[2]) 1-й отчетъ, стр. 2.
[3]) Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., X, 320—323.

ной имъ темы: масса, почти необозримая, статуэтокъ изъ обожженной глины, содержанія и значенія безконечно разнообразнаго, уже по своей загадочности не дозволяла разсматривать себя внѣ ея отношенія къ другимъ произведеніямъ античнаго искусства, не допускала объясненій безъ принятія во вниманіе отношенія изображаемаго къ древней религіи—поколику изображенія бываютъ заимствованы изъ области культа и миѳологіи и къ древнему быту—поколику они изображаютъ обыденныя житейскія сцены, вродѣ современнаго жанра. Въ указаніи этой связи и этого отношенія и лежитъ, на мой взглядъ, вся прелесть изложенія автора: читатель съ наслажденіемъ слѣдитъ, какъ вся, представляющаяся на первый взглядъ безформенною, масса древнихъ терракотъ подъ строго методическимъ изслѣдованіемъ г. Кондакова, мало-по-малу, расчленяется, какъ каждый ея отдѣлъ ставится въ органическую связь съ другимъ и въ непосредственное отношеніе къ цѣлому и какъ, наконецъ, умственному взору читателя представляется въ ясныхъ и опредѣленныхъ чертахъ значительный отдѣлъ древней пластики, уясняется его значеніе въ ряду другихъ произведеній греческой техники, раскрывается смыслъ и содержаніе входящихъ въ его область предметовъ. Само собою разумѣется, что при достиженіи всего этого авторъ не могъ обойтись безъ гипотезъ, но его предположенія и совершенно раціональны, и въ большинствѣ случаевъ убѣдительны. Они, дѣйствительно, являются тамъ, гдѣ точное знаніе оказывается недостаточнымъ, гдѣ предварительно авторомъ испробованы различныя возможности рѣшенія того или другого вопроса и гдѣ единственнымъ путемъ къ этому рѣшенію представляется путь гипотетическій. Въ этомъ отношеніи весьма поучительно сличеніе пріемовъ автора съ пріемами цѣлой школы археологовъ, долгое время господствовавшей въ Западной Европѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ представителей которой является извѣстный Панофка. Сравнивая гипотезы г. Кондакова съ мечтаніями Панофки, видишь наглядно, какая бездна отдѣляетъ строгую методику отъ досужихъ комбинацій, представляющихся всякому умному человѣку какъ бы сами собою. Такимъ образомъ, отличаясь раціональностью, гипотезы автора, въ большинствѣ случаевъ, обладаютъ и достаточною убѣдительностью, такъ какъ имѣютъ одно весьма существенное свойство—естественность и умѣютъ остановиться тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Но не въ одной области предположеній и гаданій видны методическіе пріемы г. Кондакова... они проявляются и тамъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ матеріаломъ, такъ сказать, осязательнымъ. Прежде всего отмѣтимъ, что онъ владѣетъ имъ въ совершенствѣ и является вездѣ полнымъ хозяиномъ, изучив-

шимъ избранную область до самыхъ мелкихъ подробностей. Мы твердо убѣждены, что послѣдующіе изслѣдователи вопроса о статуэткахъ изъ терракоты не многое прибавятъ къ доселѣ извѣстному матеріалу, собранному авторомъ, который, сверхъ изданнаго и описаннаго, имѣлъ рѣдкую возможность пользоваться значительной коллекціей терракотъ, открытыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Южной Россіи и представляющихъ нерѣдко, среди массы обыкновенныхъ, типы и изображенія отличныя и примѣчательныя".

Отмѣчаемое И. В. Помяловскимъ совершенствованіе ученыхъ пріемовъ въ трудахъ Н. П. Кондакова, относящихся къ области классической археологіи, еще въ большей степени приложимо къ его трудамъ въ христіанской археологіи. Древне-христіанскому искусству была посвящена его небольшая статья объ одномъ изъ рѣдкихъ въ то время памятниковъ древне-христіанскаго искусства, открытомъ на почвѣ юга Россіи „О древне-христіанской патерѣ изъ керченскихъ катакомбъ" [1]). Проф. Кондаковъ справедливо выдвигаетъ значеніе этого памятника, къ которому только въ послѣднее время присоединяется рядъ новыхъ. „Извѣстно,—говоритъ онъ,—какъ рѣдки и, главное, случайны памятники древнѣйшаго христіанскаго искусства, доселѣ открываемые въ Россіи. Просвѣщеніе христіанскою вѣрою, явившееся сюда еще въ раннюю эпоху древняго христіанства, пока еще не заявлено въ своемъ историческомъ существованіи точно опредѣленными памятниками, которые могли бы стать наряду съ историческими свидѣтельствами... Понятно, поэтому, какое значеніе пріобрѣтаетъ находка всякаго, даже мелкаго фрагментарнаго памятника древняго христіанства въ мѣстности, столь опредѣленной и исторически извѣстной, какова Керчь—древняя Пантикапея и „Босфоръ" въ христіанскую эпоху". Находка эта—стеклянная патера съ изображеніемъ юнаго Моисея, двухъ монограмъ Христа.

Древне-христіанскому же искусству была посвящена статья Н. П. Кондакова, доложенная имъ впервые въ Обществѣ христіанскаго искусства въ Римѣ, предсѣдателемъ котораго былъ Дж. Бат. де-Росси, о барельефахъ на деревянной двери въ базиликѣ св. Сабины, что на Авентинскомъ холмѣ въ Римѣ [2]). Барельефы эти ранѣе не были ни изданы удовлетворительно, ни тѣмъ менѣе объяснены; ихъ относили даже къ XII — XIII в.; заслуга Н. П. Кондакова въ томъ, что онъ

[1]) Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., XI, 67—73.

[2]) Помѣщена подъ названіемъ: «Les sculptures de la porte de Sainte-Sabine à Rome» въ Revue archéol., 1877, 361—372.

впервые точнымъ образомъ установилъ время ихъ происхожденія (V—VI в.), надлежащимъ образомъ освѣтилъ ихъ содержаніе, поставилъ въ связь съ другими древне-христіанскими и ранне-византійскими памятниками; замѣчательны его экскурсы въ область типа Христа и Распятія Христа. Выводы автора повторяются всѣми послѣдующими изслѣдователями этого памятника, не привнесшими, однако, почти ничего существенно новаго послѣ него. Византійскому искусству посвящено далѣе большое изслѣдованіе о „миніатюрахъ греческой Псалтыри IX вѣка изъ собранія А. И. Хлудова“ [1]). Эта замѣчательная рукопись вывезена была съ Аѳона въ 1847 г. В. И. Григоровичемъ, продана затѣмъ Лобкову; она обращала на себя вниманіе русскихъ археологовъ, изслѣдовавшихъ ее съ разныхъ сторонъ (арх. Амфилохіемъ и Ундольскимъ), но надлежащую оцѣнку миніатюръ, ея украшающихъ, представилъ впервые проф. Кондаковъ въ указанной статьѣ. По его опредѣленію, рукопись эта относится къ IX в. и занимаетъ первое мѣсто въ средѣ греческихъ лицевыхъ рукописей Псалтыри, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя, какъ напр., списокъ Барберинской библіотеки, Лондонской и пр., относятся къ одной и той же редакціи, но, будучи позднѣе этого списка, могутъ считаться какъ бы его копіями. Изслѣдовавъ подробно миніатюры Хлудовской Псалтыри, авторъ выясняетъ ихъ отношеніе къ предшествующей и послѣдующимъ эпохамъ византійскаго искусства, представляетъ ихъ характеристику въ художественномъ отношеніи и раскрываетъ ихъ связь съ современными событіями въ византійскомъ мірѣ, вызванными иконоборческою ересью, и съ господствовавшимъ тогда богословско-полемическимъ направленіемъ умовъ. „Въ толковой Псалтыри (какою является Хлудовская),—по словамъ Н. П.,—не только находила себѣ обширное примѣненіе любимая богословская задача—искать прообразовъ Новаго Завѣта въ Ветхомъ, но и само богословіе изъ отвлеченной науки догматовъ переходило въ живое исповѣданіе вѣры и православія. Миніатюры, украсившія отнынѣ кодексы Псалтыри, являются намъ наглядною замѣною философскихъ и нравственныхъ апоѳегмъ, и выражаютъ собою весьма чувствительно общее направленіе мысли“ (стр. 137). Рукопись, судя по содержанію нѣкоторыхъ ея миніатюръ, по мнѣнію изслѣдователя, изготовлена въ Студійскомъ монастырѣ (стр. 171 и др.).

Уже въ исторіи византійскаго искусства по миніатюрамъ проф. Кондаковъ касался византійской мозаики и изъ отчетовъ его видно

---

[1]) Труды Моск. Арх. Общ., VII (1878), 162—183.

было, что онъ подготовлялъ спеціальное сочиненіе объ этой отрасли искусства. Какъ часть этого труда, Н. П. Кондаковъ издалъ въ свѣтъ свое изслѣдованіе: „Мозаики мечети Кахріе-Джамиси—μονὴ τῆς χώρας—въ Константинополѣ (Одесса, 1881) [1]). Мозаики этой мечети, бывшаго монастыря „Хора", представляютъ „единственный въ своемъ родѣ памятникъ въ Константинополѣ, но послѣ Солуни не имѣютъ ничего себѣ равнаго, по крайней мѣрѣ теперь и на всемъ христіанскомъ Востокѣ". Принадлежа XIII – XIV в., онѣ отличаются изяществомъ композиціи, блескомъ красокъ, крайне стильной, строгой, но вмѣстѣ изящной манерой въ передачѣ византійскихъ типовъ, какой-то особой граціей и тонкимъ, хотя сентиментальнымъ и преувеличеннымъ выраженіемъ лицъ. Въ западной археологической литературѣ мозаики эти почти совсѣмъ были неизвѣстны и о нихъ въ нѣкоторыхъ сообщеніяхъ, въ виду указанныхъ достоинствъ, высказываются неумѣстныя догадки, вродѣ того, что онѣ должны быть произведеніями западнаго художества, а именно одного изъ художниковъ начальной эпохи итальянской живописи, исполнившаго, будто бы, въ византійской схемѣ собственныя живыя композиціи.

Заслуга Н. П. Кондакова въ томъ, что онъ первый послѣ изслѣдованія ихъ на мѣстѣ (въ 1880 г.) доказалъ, что эти мозаики „по своему стилю и техническому исполненію, равно какъ и по самымъ задачамъ внутренняго содержанія, составляютъ произведеніе собственно византійскаго искусства, безъ участія въ какомъ бы то ни было видѣ западныхъ мастеровъ живописи и принадлежатъ періоду вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства въ теченіе XI—XIII столѣтій".

Блестящими и особенно замѣчательными страницами изслѣдованія являются тѣ, въ которыхъ объясняется содержаніе мозаики, роспись церкви въ цѣломъ и въ частяхъ, уясняется образъ Христа въ сравненіи съ другими современными и предыдущими, устанавливается связь содержанія росписи внутренняго нартекса (событія изъ жизни Богородицы) съ легендарнымъ направленіемъ духовной литературы христіанскаго Востока въ VII—X вѣкахъ.

Весьма поучительными являются послѣднія страницы этого изслѣдованія, посвященныя уясненію зависимости начальной итальянской живописи отъ византійскихъ образцовъ, которые ею усваивались не въ одной только манерѣ, но брались цѣликомъ въ самомъ сюжетѣ. Эти замѣчанія нашего ученаго—результатъ его изученія ранне-итальянской

[1]) Общее заглавіе: Исторія византійскаго искусства и иконографіи. II. Мозаики. (З. Имп. Новорос. унив., XXXI).

живописи; Н. П. Кондаковымъ приготовленъ капитальный трудъ исторіи этой живописи на основаніи итальянскихъ миніатюръ, который, къ сожалѣнію, за другими трудами, ему не пришлось еще издать въ свѣтъ.

Въ 1881 г. проф. Кондаковъ совершилъ путешествіе на Синай, съ цѣлью изученія самого монастыря, его памятниковъ древности и художественно-украшенныхъ рукописей его библіотеки. Съ результатами этой поѣздки онъ знакомитъ въ своей книгѣ, вышедшей подъ заглавіемъ: „Путешествіе на Синай въ 1881 году. Изъ путевыхъ впечатлѣній. Древности Синайскаго монастыря“ (Одесса, 1882). Справедливую и серьезную оцѣнку этой книги и значенія ея далъ В. В. Стасовъ (въ Ж. М. Н. П. 1883, № 4, 325—346) [1]). „Новое сочиненіе г. Кондакова,—говоритъ В. В. Стасовъ,—разсматриваетъ и рѣшаетъ совершенно самостоятельно, никого не повторяя, никому не подражая, одинъ очень важный вопросъ исторіи искусства и даже, скажу болѣе, исторіи всеобщей культуры, до сихъ поръ не приведенный въ ясность. Если не у насъ теперь, то, можетъ быть, въ Западной Европѣ будетъ оцѣнена эта заслуга, когда сочиненіе одесскаго профессора сдѣлается тамъ извѣстно“... „На первой страницѣ своего сочиненія проф. Кондаковъ сообщаетъ обширную литературу о Синаѣ. Но, не взирая на длинный списокъ путешественниковъ и писателей нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ и русскихъ, начиная съ XII вѣка и до настоящаго времени, проф. Кондаковъ принужденъ заявить, что сколько „безплодны, болѣе или менѣе, были изслѣдованія о пути странствованія и стоянки евреевъ въ пустынѣ Синайской, а также усилія разгадать между вершинами Синайскаго хребта истинный Синай и Хоривъ“, а также описаніе святыхъ мѣстъ на Синаѣ, тамошнихъ часовень и капеллъ, развалинъ и пещеръ,—настолько же мало дали и прочія научныя изслѣдованія: „Не смотря на замѣчательныя, въ свое время, по полнотѣ и ясности, описанія путешествій, напримѣръ, архимандрита, нынѣ епископа, Порфирія, Эберса и проч.,—говоритъ проф. Кондаковъ,—Синай, какъ и вообще далекій Востокъ, все еще остается мѣстностью свѣжею, мало тронутою изслѣдованіемъ“... „На дальнемъ Востокѣ вообще,—говоритъ онъ далѣе,—и въ Синайскомъ монастырѣ въ частности, древность и ея памятники еще остаются въ своей собственной родной обстановкѣ и путешественникъ не находитъ здѣсь ни различныхъ приспособленій, спеціально на него разсчитанныхъ, ни го-

[1]) Собраніе сочиненій, II, 711—730.

товаго матеріала, ассортированнаго для разныхъ степеней его любознательности. Между тѣмъ, эта самая необходимость искать, открывать самому, блуждать, рискуя найти то, чего не искалъ и что оказывается болѣе интереснымъ и поучительнымъ, и составляетъ ту заманчивую прелесть путешествій по Востоку, которая кроется въ присущей человѣку чертѣ дорожить лишь тѣмъ, что дорого и съ трудомъ дается, какъ собственная работа". „Все это,—замѣчаетъ В. В. Стасовъ, — не праздныя слова, не напрасное самохваленіе. Содержаніе книги, напечатанной теперь, слишкомъ ясно доказываетъ, что трудъ проф. Кондакова былъ самостоятеленъ, новъ и богатъ выводами".

Первая часть книги Н. П. Кондакова представляетъ краткое содержаніе веденнаго имъ во время путешествія дневника. Въ этомъ дневникѣ наблюденій и впечатлѣній за 23 дня пути отъ Одессы до Синая „много такихъ соображеній, которыя проявляютъ самостоятельную живую мысль", много „такихъ живыхъ и картинныхъ описаній мѣстностей, какія не часто встрѣтишь въ сочиненіяхъ нашихъ путешественниковъ, особенно ученыхъ".

„Съ Синая проф. Кондаковъ,—приводимъ вновь слова В. В. Стасова,—вывезъ очень обильный художественно историческій матеріалъ; одна половина его заключается въ текстѣ его книги, другая въ фотографическомъ альбомѣ снимковъ, сдѣланныхъ подъ его наблюденіемъ и руководствомъ фотографомъ Раулемъ... Изъ краткаго перечня содержанія альбома видно, что собственно монументальныхъ созданій древности (христіанскаго времени) проф. Кондаковъ нашелъ на Синаѣ очень немного: архитектуру монастыря и его Юстиніановой базилики и заключающіяся внутри этой базилики мозаику и рѣзную дверь. О каждомъ изъ этихъ памятниковъ нашъ авторъ сообщаетъ много интереснаго и важнаго".

Особенно важны заключенія его о двери и мозаикахъ. „Въ Синайской двери, по его заключенію, мы имѣемъ образецъ византійской рѣзьбы (IX вѣка), гдѣ пластика переходитъ въ живопись: это есть рѣзьба взглубь контуровъ, при чемъ все изображеніе и самая доска сохраняютъ свою поверхность и ни одна часть не выступаетъ рельефомъ. Углубленные контуры заполняются гипсомъ, разцвѣченнымъ въ красную краску (цвѣта вина), для уподобленія верхнему косяку изъ порфира... Стиль рисунковъ, смѣшанная декоративная манера заставляютъ отнести Синайскую дверь къ разряду любопытнѣйшихъ памятниковъ эпохи, непосредственно слѣдующей за иконоборческимъ періодомъ".

„Опредѣленіе стиля и эпохи этой двери,—отмѣчаетъ В. В. Стасовъ, — произведено совершено самостоятельно, независимо отъ бѣглыхъ и часто поверхностныхъ замѣтокъ путешественниковъ, предшествовавшихъ ему на Синаѣ. Это опредѣленіе, замѣчательное по точности и доказательности, совершено на основаніи солиднѣйшаго знанія византійскихъ скульптурныхъ и рѣзныхъ произведеній, аналогичныхъ по стилю, хотя иныхъ по времени. Но главнымъ основаніемъ служило тутъ знаніе византійскихъ рукописей, въ чемъ, конечно, не могъ сравниться съ профессоромъ Кондаковымъ ни одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ русскихъ и европейскихъ, бывшихъ до него на Синаѣ. То были спеціалисты по совершенно другимъ отраслямъ. Между ними были замѣчательные историки, географы, богословы, палеографы, историки литературы, но ни одного истиннаго знатока византійскаго стиля и искусства. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ выше и прочнѣе ихъ всѣхъ“ (стр. 723).

Въ силу этой-то основной причины Н. П. Кондаковъ впервые надлежащимъ образомъ изслѣдовалъ мозаику „Преображенія“, украшающую абсиду церкви Синайскаго монастыря. Мозаики этой ранѣе не видѣлъ ни одинъ спеціалистъ, а писавшіе о ней пользовались совершенно искажающими памятникъ снимками.

Выдѣляя въ мозаикѣ алтаря позднѣйшую работу, или же передѣлку и реставрацію, онъ находитъ, что центральный отдѣлъ, т.-е. самая мозаика Преображенія съ окаймляющимъ ее бордюромъ изъ медальоновъ и есть столько же древній, сколько и замѣчательный памятникъ ранняго византійскаго искусства, заключающій въ себѣ важнѣйшія данныя для иконографіи.

Разбирая типы апостоловъ, что представлены въ медальонахъ, Н. П. Кондаковъ, пользуясь богатѣйшимъ сравнительнымъ матеріаломъ, почерпнутымъ имъ изъ предварительныхъ изученій какъ миніатюръ, такъ и мозаикъ, устанавливаетъ тѣснѣйшую связь синайскихъ мозаикъ съ равеннскими, чѣмъ весьма убѣдительно опровергаются теоріи о какой-то самостоятельной равеннской школѣ, о зависимости ея отъ римской и т. п.

Также весьма важны его характеристики, сравненія типовъ пророковъ съ извѣстными въ другихъ памятникахъ, какъ россанскій кодексъ евангелія, рукопись Космы Индикоплова Ватиканской библіотеки и пророки Туринской библіотеки. Путемъ сличенія, сравненія указанныхъ мозаикъ Н. П. Кондаковъ приходитъ къ тому выводу, что ихъ „типы уже значительно отошли по пути историческаго на-

правленія живописи, установившагося въ VI—VII столѣтіяхъ и, покидая античныя символичныя формы, держатся древнихъ образцовъ, представляемыхъ Равенною, лишь въ общемъ пошибѣ; иначе говоря, эти типы восполняютъ этотъ наиболѣе темный промежутокъ или пробѣлъ, который, подъ именемъ иконоборческой эпохи, составляетъ переходъ отъ вѣка Юстиніанова къ періоду Македонской династіи и извѣстенъ намъ лишь по слабымъ и второстепеннымъ даннымъ нѣсколькихъ лицевыхъ рукописей VIII—IX столѣтій" (стр. 87). Эти общіе выводы и взгляды подтверждаются далѣе и разборомъ содержанія и стиля центральной мозаики.

Еще большій интересъ и значеніе представляютъ дальнѣйшія страницы изслѣдованія Н. П. Кондакова, въ которыхъ обозрѣваются греческія рукописи съ миніатюрами, находящіяся въ библіотекѣ монастыря. Въ этой части, трактуя о рукописяхъ, принадлежащихъ иконоборческому времени, онъ возвращается вновь къ выясненію значенія послѣдняго для исторіи византійскаго искусства, о чемъ у него имѣются важныя заключенія въ „Исторіи византійскаго искусства по миніатюрамъ". Н. П. Кондаковъ изъ наблюденій надъ рукописями иконоборческаго времени, наиболѣе представленными въ Синайской библіотекѣ, приходитъ къ тому заключенію, что указанная эпоха всего менѣе благопріятствовала развитію миніатюръ, но прямо или косвенно способствовала развитію орнаментики (стр. 121, 124).

Разбирая миніатюры различныхъ рукописей, Н. П. Кондаковъ сравниваетъ ихъ съ другими миніатюрами, которыхъ онъ уже касался прежде, или новыхъ, постепенно слѣдитъ за технической, стилистической стороной ихъ, отмѣчаетъ значеніе ихъ для иконографіи. Описанія его не сухія, однообразныя; онъ не перебираетъ одну миніатюру за другой, а отмѣчаетъ лишь наиболѣе типичныя, вносящія что-нибудь новое въ томъ или иномъ отношеніи для исторіи византійскаго искусства. Вполнѣ потому справедливы заключительныя слова отзыва В. В. Стасова: „Все это представляетъ матеріалъ новый, никѣмъ еще не тронутый, и вноситъ новыя точки зрѣнія въ исторію византійскаго, а чрезъ него, и обще-европейскаго искусства. Такимъ образомъ, поѣздка проф. Кондакова получаетъ совершенно особенное значеніе" (стр. 730).

Въ 1884 г. въ Одессѣ состоялся VI Археологическій съѣздъ. Для этого съѣзда Н. П. Кондаковъ потрудился весьма много: кромѣ устройства выставки, участія въ редакціонномъ комитетѣ, редактированія нѣкоторыхъ томовъ трудовъ съѣзда, чтенія нѣкоторыхъ рефератовъ и т. п., имъ для него былъ подготовленъ капитальный трудъ „Византійскія

церкви и памятники Константинополя“ [1]). Трудъ этотъ — результатъ изслѣдованій автора какъ во время его прежнихъ поѣздокъ на Востокъ, такъ, главнымъ образомъ, весною 1884 года, при участіи его въ снаряженной Распорядительнымъ Комитетомъ съѣзда археологической экскурсіи въ Константинополь.

Говоря выше о трудахъ Н. П. Кондакова, касающихся исторіи византійскаго искусства, мы указывали, какое значеніе они имѣютъ для русской археологіи, для изученія отечественныхъ древностей. На первыхъ страницахъ своего новаго труда Н. П. Кондаковъ говоритъ слѣдующее: „Русская археологическая наука также, какъ и западная, почерпаетъ свой методъ и руководящіе принципы въ древне-христіанскомъ отдѣлѣ, но по своимъ собственнымъ, ей присущимъ задачамъ, становится въ то же отношеніе и къ археологіи византійской. И если самая западная наука давно пришла къ убѣжденію въ необходимости самостоятельныхъ работъ въ этой области, имѣющей столь частыя соприкосновенія съ средневѣковымъ Западомъ, то тѣмъ болѣе русская археологія имѣетъ своею задачею построить научный фундаментъ своего предмета на изслѣдованіяхъ Византіи. Пусть въ конечномъ результатѣ работъ по византійской археологіи будетъ лежать цѣль познанія русской старины, общая историческая постановка всего предмета, отъ его начала до послѣдняго момента, составляетъ единственное условіе научности изслѣдованій... Мы считаемъ возможнымъ думать, что наука древностей и искусства православнаго Востока обязательна для русской археологической науки не только какъ среда, наиболѣе ей близкая, родственная и потому понятная, но и какъ исторически унаслѣдованная, и потому представляющая въ данное время единственный видимый путь къ утвержденію въ русской археологіи научнаго сравнительнаго метода“ (V стр.).

Среди византійскихъ памятниковъ наиболѣе важными и цѣнными являются, конечно, памятники Константинополя; изученіе древностей этого города, по глубокому значенію замѣчанія Н. П. Кондакова, „со временемъ, станетъ наравнѣ съ наукою языческаго и древне-христіанскаго Рима и, по плодотворности своихъ результатовъ, займетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ наукѣ средневѣковой древности вообще и христіанскаго Востока въ частности“. Не смотря на это, въ ученой литературѣ доселѣ не было труда, въ которомъ памятники Константи-

[1]) Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. III, Одесса, 1887 г.

нополя были бы разсмотрѣны всесторонне, въ которомъ полная наука древности (археологія) и исторія искусствъ не шли врозь.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ отмѣчаетъ это авторъ и какъ подтверждаетъ Н. В. Покровскій (въ отзывѣ объ этомъ трудѣ — по присужденію ему большой золотой медали въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ) [1]) „знаменитый Дюканжъ далъ намъ историческія справки о памятникахъ Константинополя, но памятники вещественные обслѣдовалъ слишкомъ мало. Зальценбергъ, Фоссати и Пюлгеръ занимались обслѣдованіемъ лишь нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ, но не ввели ихъ въ связь съ общею исторіею Византіи и не опредѣлили ихъ мѣста въ исторіи искусства. Нечего уже и говорить объ общихъ курсахъ исторіи искусства, въ которыхъ памятникамъ Константинополя отводится лишь незначительное мѣсто". „Сочиненіе Кондакова (въ противуположность указаннымъ трудамъ), по словамъ того же отзыва, обнимаетъ всю совокупность памятниковъ Константинополя и заключаетъ въ себѣ такую полноту художественно-историческихъ данныхъ, какой не представляетъ ни одно изъ существующихъ доселѣ изданій. Памятники вещественные представлены здѣсь въ 50-ти фотографическихъ снимкахъ, составляющихъ прекрасную иллюстрацію къ ученому тексту. Уже одно изданіе этихъ памятниковъ и оцѣнка ихъ художественныхъ формъ могли бы быть признаны немаловажною заслугою автора передъ отечественною наукою; но онъ не ограничиваетъ свою задачу одною этою стороною. Справедливо полагая, что памятники эти, съ одной стороны, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ исторіею византійской культуры и раскрываютъ намъ внутреннюю религіозную жизнь православнаго Востока, съ другой—могутъ получить надлежащую оцѣнку лишь въ томъ случаѣ, если будутъ связаны между собою единствомъ мысли въ общей постановкѣ исторіи византійскаго искусства, проф. Кондаковъ сообщилъ своему предмету широкую научную постановку: онъ воспользовался письменными источниками для уясненія смысла и значенія памятниковъ вещественныхъ и, наоборотъ, послѣдніе призвалъ въ свидѣтели для подтвержденія и повѣрки первыхъ... Въ цѣломъ сочиненіе проф. Кондакова представляетъ весьма солидный вкладъ въ русскую археологическую науку. Здѣсь мы имѣемъ первый и весьма удачный сводъ матеріаловъ, относящихся къ художественной исторіи Константинополя, значительно облегчающій будущіе ученые труды археологовъ; но гораздо важнѣе, по нашему мнѣнію,

[1]) Зап. Имп. Рус. Арх. Общ. III (1887), протоколы, стр. XXXIV.

то, что авторъ группируетъ свой обширный матеріалъ примѣнительно къ требованіямъ научнаго знанія, сообщаетъ вопросамъ археологіи научную постановку и такимъ образомъ содѣйствуетъ разработкѣ археологическаго метода, въ чемъ наша археологія имѣетъ не малую нужду. Такіе труды вносятъ въ археологію особый смыслъ, вызываютъ къ ней живой интересъ, и, направляя читателя на работу мысли, въ замѣнъ безплоднаго увлеченія мелочами, частностями и механическимъ пристрастіемъ къ формѣ, какъ цѣли археологическаго знанія, сообщаютъ археологіи научное движеніе".

Трудъ Н. П. Кондакова дѣлится на пять главъ: въ первой излагается исторія константинопольскихъ церквей отъ начала зарожденія здѣсь христіанской архитектуры до паденія Константинополя; во второй представляется топографія церквей; въ третьей описывается св. Софія съ памятниками, церкви и памятники по берегу Мраморнаго моря, Студійскій монастырь и колонна Аркадія; въ четвертой—сухопутныя стѣны, золотыя ворота, монастырь Хора; въ пятой — Текфуръ Серай, Влахерны, церкви по берегу Золотого Рога, церкви внутри Константинополя, памятники скульптуры и мозаики въ музеѣ Константинопольскомъ и патріархатѣ.

Во всѣхъ этихъ главахъ описаніе памятниковъ не является простымъ, механическимъ соединеніемъ историческихъ данныхъ о томъ или иномъ изъ нихъ; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предлагается детальное изслѣдованіе памятника на общемъ фонѣ культурнаго, политическаго состоянія Византіи въ данное время. Группировка матеріала въ этомъ трудѣ, касающагося архитектуры, по справедливому замѣчанію Н. В. Покровскаго (XXXV) „послужитъ краеугольнымъ камнемъ для будущей исторіи византійской архитектуры: такой исторіи доселѣ еще не существуетъ... Какъ въ первой главѣ, такъ и въ другихъ, гдѣ рѣчь идетъ о существующихъ въ Константинополѣ архитектурныхъ памятникахъ, проф. Кондаковъ указываетъ лишь на критическія задачи для науки архитектуры; дѣло весьма важное, такъ какъ рекомендуемыя имъ задачи колеблютъ общепринятую манеру построенія исторіи архитектуры по однимъ внѣшнимъ, нерѣдко случайнымъ признакамъ, и вносятъ въ эту область не только смыслъ техническій и художественный, но и историческій" (XXXVI). Наряду съ богатымъ матеріаломъ по исторіи византійской архитектуры, въ этомъ трудѣ мы находимъ не менѣе важныя данныя для исторіи живописи въ широкомъ смыслѣ, скульптуры, для иконографіи. Словомъ, здѣсь цѣлая энциклопедія византиновѣдѣнія и для всякаго занимающагося византійскими древностями въ широкомъ

смыслѣ, этотъ трудъ является необходимою книгою. Какъ великъ и значителенъ вообще матеріалъ въ немъ, укажемъ, для примѣра, на то богатство данныхъ, соображеній, какое представляется въ немъ для одной только византійской иконографіи. Такъ весьма важны соображенія автора объ образѣ св. Софіи, премудрости Божіей въ видѣ Ангела (стр. 116, 127 — 128), разборъ типовъ Петра и Павла (стр. 187), Божіей Матери Влахернской, Живоноснаго Источника, Одигитріи, Знаменія; иконографія жизни Богородицы по протоевангелію, типовъ Христа, отдѣльныхъ событій изъ Его жизни и т. д.

Не находя возможнымъ, хотя бы вкратцѣ, передать содержаніе этого труда Н. П. Кондакова, приведемъ лишь заключительныя слова его, полныя вѣры въ будущее развитіе науки археологіи, ея значеніе для исторіи культуры: „...Недалеко и то время, когда, при обоюдныхъ усиліяхъ археологіи и исторіи, разсѣется мракъ, окутывающій доселѣ памятники христіанскаго Востока, и они станутъ предметомъ такого же изученія, какъ памятники Запада, когда, иначе говоря, приговоръ Тэксье, будто бы обращеніемъ странъ Малой Азіи въ христіанство нанесенъ былъ искусству ударъ, отъ котораго оно никогда потомъ не могло оправиться, или заявленіе того же знаменитаго путешественника, что памятники Виѳиніи любопытны лишь по своей связи съ исторіею Запада, уже не будутъ руководить изслѣдованіемъ. Археологическая наука станетъ самостоятельною и рѣшающею въ этихъ сферахъ, когда, изучивъ свои памятники ради ихъ самихъ, она поставитъ ихъ въ узлѣ путей своего изслѣдованія, но, не ограничиваясь эстетическимъ анализомъ, освѣтитъ эти памятники извнутри ихъ самихъ и извнѣ данными быта, культуры и политической жизни. Нашъ обзоръ (замѣчаетъ авторъ) византійскихъ церквей и памятниковъ Константинополя имѣлъ цѣлью показать, какъ много вопросовъ исторіи, религіи, быта и самой политической жизни Византіи возникаетъ при первомъ бѣгломъ взглядѣ на эти памятники. Заняться этими вопросами насъ обязываетъ столь же научный интересъ, сколько и богатство, и чистота преданія, намъ завѣщаннаго древнею Русью, ея паломниками. Будутъ-ли приняты къ свѣдѣнію поднятые нами вопросы, какъ они будутъ разрѣшены и гдѣ— рѣшитъ будущее. Съ своей стороны, полагаемъ, что археологическая наука станетъ современемъ въ центрѣ тѣхъ отрывочныхъ занятій, которыя именуются нынѣ исторіею культуры и руководятся доселѣ узкимъ и ошибочнымъ принципомъ, и вѣримъ, что эта наука начертаетъ намъ живую картину древняго Цареграда“.

Въ 1888 г. Н. П. Кондаковъ приглашенъ былъ профессоромъ

въ С.-Петербургскій университетъ и съ этого года открывается новый періодъ въ его дѣятельности. Но прежде чѣмъ перейти къ нему, нужно упомянуть о дѣятельности его въ двухъ одесскихъ учрежденіяхъ, которыя были всегда дороги для него. Это—Одесское Общество Исторіи и Древностей, котораго онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, и Одесская школа рисованія, которая, благодаря, главнымъ образомъ, его заботамъ, стала на ту высокую ступень, которую она занимаетъ.

Въ Петербургѣ, кромѣ каѳедры въ университетѣ, Н. П. Кондаковъ занялъ мѣсто старшаго хранителя Отдѣленія среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Въ то же время (уже съ 1876 г.) онъ состоялъ членомъ Императорской Археологической Коммиссіи, въ дѣлахъ которой онъ теперь, конечно, принималъ, по мѣсту нахожденія, еще большее участіе, чѣмъ прежде. Средневѣковое отдѣленіе Эрмитажа нашло въ лицѣ Н. П. Кондакова компетентнѣйшаго и лучшаго руководителя и, несомнѣнно, во многомъ обязано ему замѣчательнымъ размѣщеніемъ въ немъ вещей и прекраснымъ краткимъ, но точнымъ описаніемъ ихъ въ Каталогѣ-указателѣ [1]).

Кромѣ университета, проф. Кондаковъ читалъ также лекціи по исторіи искусствъ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Дѣятельное участіе со времени переѣзда въ С.-Петербургъ принималъ онъ и въ дѣлахъ Русскаго Археологическаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ котораго онъ состоитъ съ 1886 г. Въ одномъ изъ засѣданій этого Общества Н. П. Кондаковъ сдѣлалъ докладъ „О фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора“ [2]). Этотъ докладъ—блестящее подтвержденіе мыслей нашего ученаго, какъ важны и значительны занятія въ области византиновѣдѣнія для познанія нашей родной старины. Онъ самъ показалъ въ этомъ докладѣ яркій примѣръ тому, объяснивъ впервые — при свѣтѣ своихъ богатыхъ познаній въ византійской археологіи – бывшія до него загадочными, непонятными фрески лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора. Основное положеніе доклада, весьма вѣско доказанное имъ, то, что содержаніе указанныхъ фресокъ, какъ и ихъ стиль, взято исключительно изъ древности византійской и никакого прямого отношенія къ древне-русскому быту не имѣетъ, что византійскій стиль и константинопольская тема только прикрываетъ собою азіатское, восточно-варварское содержаніе, каковое, какъ и самыя готѳскія военныя и

[1]) Указатель Отдѣленія среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія въ Императорскомъ Эрмитажѣ, Спб., 1891.

[2]) Зап. Имп. Рус. Арх. Общ., III (1888), 287—306.

потѣшныя игры, какъ и самыя коляды, и празднованіе святокъ, сложились задолго до Константина.

Указывая, въ заключеніе доклада, на важность древностей юга Россіи, на источникъ средневѣковой культуры и искусства—въ древностяхъ Византіи, Передней и Средней Азіи, на то, къ чему должно будетъ придти историческое изслѣдованіе, Н. П. Кондаковъ вновь возвращается къ своей основной мысли: „Русская археологія,—говоритъ онъ,—имѣя дѣло съ памятниками, идущими, такъ сказать, въ первую голову, и обязана, прежде другихъ, починомъ въ рѣшеніи своего собственнаго и насущнаго вопроса объ отношеніи древностей Россіи къ Византіи и Востоку".

Упомянемъ здѣсь о статьѣ Н. П. Кондакова, правда, появившейся гораздо раньше отмѣченнаго доклада, но, по отношенію своему къ русскимъ древностямъ, стоящую близко къ нему. Это рецензія [1]) его на трудъ своего учителя, „ученаго основателя науки русской народной словесности уже давно и одного изъ первыхъ своими изслѣдованіями по символикѣ и миѳологіи древняго русскаго искусства положившаго основаніе его историческому изслѣдованію", Ѳ. И. Буслаева „Русскій лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX. Москва, 1884". Н. П. Кондаковъ въ этой весьма интересной статьѣ выясняетъ глубокое значеніе труда Ѳ. И. Буслаева для исторіи древне-русскаго искусства, останавливается самъ на вопросѣ о происхожденіи его, оспаривая возможность существованія византійскаго оригинала, представляетъ, пользуясь матеріаломъ труда, характеристики древнѣйшихъ апокалипсисовъ и редакцій русскаго лицевого апокалипсиса. Въ общемъ это прекрасный общій очеркъ и содержанія, и художественнаго стиля русскаго апокалипсиса со множествомъ весьма важныхъ замѣчаній, обобщеній, касающихся области древне-русскаго искусства. Въ исторіи этого искусства миніатюра должна будетъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ. „Русская миніатюра,—говоритъ Н. П. Кондаковъ въ заключеніе своей статьи,—поставляемая отнынѣ во главу угла будущаго зданія, есть именно та самостоятельная, объективная и народная среда художественнаго и духовнаго творчества, которая ждетъ изслѣдователя, чтобъ отблагодарить его плодотворнѣйшими результатами и открыть ему тайники народной жизни. Она яснѣе другихъ художественныхъ сферъ докажетъ, что существо движенія заключалось именно въ средѣ

[1]) Ж. М. Н. П., 1885, іюль, 110—142.

народнаго искусства, шло изъ начала рука объ руку съ Западомъ и если отставало по художественной техникѣ, то расширялось по содержанію, шло послѣдовательно и безъ скачковъ, воспринимая въ себя всѣ пригодные элементы, гдѣ бы они ни оказывались, и удерживая цѣльный національный типъ. Намъ остается только пожелать, чтобы сочиненіе знаменитаго автора стало примѣромъ и руководствомъ для работъ русскихъ археологовъ. Работы въ данномъ направленіи послужатъ и для построенія общей науки христіанскаго искусства (стр. 142).

Въ 1889 г. Н. П. Кондаковъ, по Высочайшему повелѣнію, совершилъ поѣздку на Кавказъ—съ цѣлью описи ризницъ монастырей: Мингреліи, Имеретіи, Грузіи [1]). Результаты поѣздки оказались неожиданны по тѣмъ богатствамъ, сокровищамъ для искусства, мѣстной исторіи, которыя открылись въ этихъ ризницахъ. Здѣсь Н. П. Кондаковъ встрѣтилъ памятники, остававшіеся доселѣ неизвѣстными и незамѣченными никѣмъ изъ прежде посѣщавшихъ и описывавшихъ монастыри Грузіи. Насколько вообще богаты ризницы этихъ монастырей, которыхъ около 25, можно судить по тому, что число первоклассныхъ вещей изъ общаго громаднаго количества ихъ достигаетъ до трехсотъ. Изученіе ихъ сокровищъ важно не только для византійскаго искусства, но и собственно грузинскаго: эмалевыя вещи у грузинъ, какъ и у русскихъ, въ XI — XII в. производились туземными мастерами, на что указываетъ ихъ особый характеръ сравнительно съ византійскими эмалевыми памятниками: грузинская эмаль, не воспроизводя серьезно рисунка, даетъ прекрасный подборъ красокъ, сохраняющихся очень хорошо.

Въ силу всего этого, весьма важнымъ и драгоцѣннымъ является описаніе этихъ ризницъ, сдѣланное во время этой поѣздки Н. П. Кондаковымъ и изданное въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, составленная по Высочайшему повелѣнію“... (Спб., 1890).

Эта опись, сдѣланная рукой ученаго спеціалиста въ области исторіи искусствъ и глубокаго знатока исторіи византійскаго искусства, представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ, какъ указано было уже, и для исторіи византійскаго искусства во всѣхъ ея отрасляхъ: миніатюры, эмали, мозаики, издѣлій изъ слоновой кости, дерева и т. д., и для исторіи грузинскаго искусства, и для иконографіи, и для исторіи мѣстнаго края. Послѣ этой описи съ данными въ ней опредѣленіями

---

[1]) Вмѣстѣ съ проф. Кондаковымъ въ поѣздкѣ принималъ участіе (нынѣ покойный) извѣстный грузинскій ученый, знатокъ родной старины, Д. З. Бакрадзе, на долю котораго выпалъ разборъ записей и историческихъ подписей.

времени, памятниковъ, съ ея указаніями на содержаніе изображеній, на характеръ работы, возможно дальнѣйшее изученіе ихъ, привлеченіе ихъ въ качествѣ матеріала для спеціальныхъ изслѣдованій, монографій. Весьма полезнымъ и незамѣнимымъ пособіемъ къ описи служатъ прекрасные рисунки (82), сдѣланные по фотографіямъ съ самихъ памятниковъ.

Древне-русское искусство—явленіе сложное; оно—наслѣдіе многихъ вѣковъ; оно—результатъ какъ самодѣятельности народа, такъ и многочисленныхъ культурныхъ вліяній. Разобраться во всѣхъ этихъ вліяніяхъ, отвести надлежащее мѣсто памятникамъ племенъ и народностей, жившихъ и основавшихся въ предѣлахъ нашего отечества, вносившихъ съ собой разнообразный кладъ въ общую сокровищницу русской древности—такова задача русской археологіи. Выполненіе этой задачи требуетъ глубокаго, широкаго знакомства съ наукой археологіи и исторіи искусства въ ея важнѣйшихъ отрасляхъ.

Н. П. Кондаковъ всей своей предыдущей научной дѣятельностью наиболѣе всего былъ подготовленъ къ выполненію этой задачи и русская наука должна будетъ съ благодарностью отмѣтить труды его и его сотрудника, графа Ив. Ив. Толстаго—по изслѣдованію русскихъ древностей, древне-русскаго искусства въ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ 1889 г. Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой предприняли изданіе „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства“. Вотъ что говорятъ издатели и вмѣстѣ съ тѣмъ ученые изслѣдователи „русскихъ древностей“ въ предисловіи къ 1-му выпуску:

„Въ теченіи двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ много племенъ и народностей жило и основалось на памяти исторіи въ предѣлахъ нашего отечества. И чѣмъ разнороднѣе былъ самый племенной составъ, чѣмъ продолжительнѣе время претворенія его въ одно государство съ единымъ народомъ, тѣмъ обильнѣе былъ вкладъ въ общую сокровищницу русской древности. Въ нее вносилъ свою лепту и огреченный скиѳъ, и корсунскій мастеръ, и генуэзскій торговецъ въ Крыму, и нѣмчинъ въ Москвѣ. Эту сокровищницу наполняли и арабскіе караваны, везшіе товаръ Волжскимъ болгарамъ и языческой Руси, и набѣги руссовъ на Византію, и домовитое хозяйство великихъ собирателей земли Русской.

Краснорѣчивыми свидѣтелями двухъ тысячелѣтій являются тысячи тысячъ кургановъ, которыми усѣяна Русская земля, и многочисленные памятники русской старины и искусства въ древлехранилищахъ, храмахъ и церковныхъ ризницахъ. Деревянныя церкви отдаленнаго сѣ-

вера, монументальные памятники Крыма и Грузіи, храмы Кіева и Новгорода и сорокъ сороковъ церквей Московскихъ, Ростовскихъ и Владимірскихъ, съ ихъ оригинальною и разнообразною архитектурою, ихъ стѣнописью, рѣзьбою и поливными изразцами, выработали русскій стиль...

Наслѣдіе многихъ вѣковъ, усвоенное русскимъ народомъ, стало его художественнымъ преданіемъ и послѣдовательно образовало древнерусское искусство. Русское искусство было и осталось искусствомъ народнымъ, сложившись въ оригинальный историческій типъ, закрѣпленный народнымъ орнаментомъ и остается до нынѣ жизненнымъ, во множествѣ художественныхъ производствъ, сложившихся еще въ древности.

Представить историческое образованіе и развитіе древнерусскаго искусства, въ точныхъ снимкахъ съ художественныхъ памятниковъ русской древности и старины,— таковы основныя задачи настоящаго изданія; необходимымъ дополненіемъ снимковъ служитъ пояснительный текстъ".

Такова картина богатствъ древнерусскаго искусства, такова задача предпринятаго изданія. Въ настоящее время вышло четыре выпуска, посвященные: 1-й—классическимъ древностямъ Южной Россіи (1889), 2-й — древностямъ скиѳо-сарматскимъ (1889), 3-й — древностямъ временъ переселенія народовъ (1890), 4-й—христіанскимъ древностямъ Крыма, Кавказа и Кіева [1]).

Изданіе это популярное, но въ то же время строго научное. Русское общество впервые знакомится въ немъ съ родной старинной, получая прекрасные снимки, сдѣланные непосредственно съ самихъ памятниковъ, и текстъ къ нимъ, поясняющій въ короткихъ, но точныхъ, строго научныхъ описаніяхъ эти памятники, опредѣляющій ихъ значеніе, происхожденіе, возсоздающій цѣлыя картины былой жизни народной, какъ она отразилась въ нихъ. Текстъ изданія, повторяемъ, при всей его популярности, строго наученъ; онъ—результатъ глубокаго изученія памятниковъ, обширнаго предварительнаго сравненія ихъ съ массой другихъ памятниковъ, имѣющихъ къ нимъ какое-либо отношеніе, строгаго углубленія въ историческіе факты, во многомъ объясняемые художественными памятниками.

Въ 1891 г., по порученію Императорскаго Палестинскаго Общества, Н. П. Кондаковъ совершилъ путешествіе по Сиріи и Палестинѣ въ качествѣ руководителя первой ученой экспедиціи Общества съ

---

[1]) Это изданіе одновременно появилось и на французскомъ языкѣ: «Antiquités de la Russie meridionale; édition française des Rousskija Drevnosti par M. M. le Prof. Kondakoff, Comte Tolstoi, S. Reinach. Paris. 1891—1893».

цѣлью изслѣдованія христіанскихъ древностей Святой Земли; научные результаты экспедиціи послужили предметомъ выставокъ въ Петербургѣ и Москвѣ; отчетъ экспедиціи съ сообщеніемъ результатовъ наблюденій, изученія памятниковъ Святой Земли—уже давно приготовленъ Н. П. Кондаковымъ къ печати, но, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ не изданъ Палестинскимъ Обществомъ. О важности этого отчета, о плодотворности изысканій руководителя экспедиціи можемъ лишь догадываться по тѣмъ сообщеніямъ, которыя дѣлались имъ въ Обществѣ—одно предъ совершеніемъ экспедиціи, другое послѣ. Уже въ исторіи византійскаго искусства Н. П. Кондаковъ затрогиваетъ вопросъ о началахъ его, о роли Востока. Къ тѣмъ же вопросамъ онъ обращается и въ указанныхъ докладахъ, но болѣе детально, почерпая въ памятникахъ Палестины и Сиріи основаніе къ болѣе или менѣе правильному рѣшенію ихъ. Въ докладѣ „Значеніе византійской эпохи въ исторіи Святой Земли для общей науки христіанской археологіи“ [1]), послѣ приведенія цѣлаго ряда фактовъ, Н. П. Кондаковъ приходитъ къ тому выводу, что „древности Палестины и Сиріи имѣютъ первенствующее значеніе для исторіи христіанскаго искусства отъ начала IV до половины VII вѣка. Восточный характеръ византійскаго искусства имѣетъ свой источникъ столько же въ мало-азійскихъ пентрахъ, сколько въ Іерусалимѣ и Антіохіи, гдѣ восточное искусство нашло себѣ, послѣ Персіи, новую родину и гдѣ оно было усвоено впервые самими арабами. Древности Палестины за время Константина и Юстиніана, какъ византійскій вопросъ, являются прежде всего задачею русской науки и, какъ палестинскій вопросъ, составляютъ основную задачу православнаго палестиновѣдѣнія“ (стр. 77).

Къ тому же вопросу о восточно-палестино-сирійскомъ происхожденіи византійскаго искусства обращается Н. П. Кондаковъ и во второмъ своемъ докладѣ (13 марта 1892 г.) [2]). „Можно считать особымъ счастьемъ,—говоритъ онъ,—что цѣль палестиновѣдѣнія совпала вполнѣ съ важнѣйшею современною задачею науки христіанской археологіи—вопросомъ о происхожденіи византійскаго или восточно-христіанскаго искусства.

Уже прошло много лѣтъ, какъ исторической наукѣ удалось разсѣять сгустившійся съ конца прошлаго вѣка туманъ надъ тысячелѣтіемъ, носящимъ имя эпохи Византійской имперіи: нынѣ можно и въ

[1]) Читанъ 11 декабря 1890 г. (Седьмой Отчетъ Имп. Палест. Общ. за 1888—1890 г.г., Спб. 1891; прилож. 16, стр. 63—77).

[2]) Сообщенія Имп. Правосл. Пал. Общ., апрѣль, 1892, 144—160.

археологической сферѣ считать доказаннымъ и даже признаннымъ, иными открыто, другими молча, что византійское искусство возникло уже въ IV вѣкѣ и что оно обязано своимъ началомъ возрожденію греческаго искусства въ вѣкъ Константина.

Для насъ вопросъ о началахъ византійскаго искусства имѣетъ особую важность. Если будетъ когда-либо дознано, что источники византійскаго искусства и культуры лежатъ тамъ же, гдѣ открытъ былъ самъ законъ христіанства, то и для общей археологической науки, и для русскаго палестиновѣдѣнія въ частности, несомнѣнно, наступитъ новая эра...

Какая живая задача для христіанской археологіи разобрать, съ точки зрѣнія бытовой обстановки, иконографію византійскихъ лицевыхъ рукописей"...

Такая постановка вопроса о происхожденіи византійскаго искусства является весьма важной; она обѣщаетъ множество плодотворныхъ результатовъ; несомнѣнно, изученіе памятниковъ Палестины, обрядовъ, совершавшихся на мѣстахъ дѣятельности Христа, легендъ, связанныхъ съ этими мѣстами—уяснитъ многія детали памятниковъ древне-христіанскаго искусства, а также начала этого искусства, его происхожденіе, а равно и происхожденіе византійскаго искусства. Блестящее подтвержденіе этому находимъ въ нѣкоторыхъ примѣрахъ, приводимыхъ Н. П. Кондаковымъ въ указанныхъ докладахъ.

Послѣдній по времени напечатанный трудъ Н. П. Кондакова посвященъ исторіи византійской эмали. Трудъ этотъ носитъ такое заглавіе: „Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго. Исторія и памятники византійской эмали. Спб., 1892" [1]). Этотъ трудъ обладаетъ еще въ большей степени тѣми качествами, которыя ставятъ всѣ вообще труды Н. П. Кондакова выдающимися и цѣнными. Подготовляясь къ составленію этого труда, авторъ совершилъ нѣсколько путешествій по Европѣ, Кавказу. Благодаря высокопросвѣщенному вниманію А. В. Звенигородскаго, трудъ этотъ изданъ достойнымъ образомъ по отношенію къ внутреннему значенію ученаго изслѣдованія и значенію самого предмета изслѣдованія; онъ явился одновременно на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и такимъ образомъ сослужитъ, несомнѣнно, великую службу наукѣ.

Роль эмали [2]) въ византійскомъ искусствѣ была весьма высока. Оно,

---

[1]) За этотъ трудъ Импер. Русск. Арх. Общ. присудило автору также золотую медаль.

[2]) О трудѣ этомъ мы повторимъ уже сказанное въ другомъ мѣстѣ: «Визант. Врем.» 1895, №№ 1—2.

какъ извѣстно, избирало этотъ видъ живописи для наиболѣе дорогихъ, непосредственно близкихъ къ человѣку и вмѣстѣ съ тѣмъ высокихъ образовъ. А потому понятно, какъ важно для лучшаго знакомства съ исторіей византійскаго искусства — капитальное изслѣдованіе одной изъ главныхъ отраслей его. Такое изслѣдованіе и могъ дать проф. Кондаковъ.

И въ новомъ своемъ капитальномъ трудѣ, онъ такъ же, какъ и въ предыдущихъ трудахъ, охватываетъ всесторонне изслѣдуемый имъ предметъ, византійскую эмаль и даетъ новое освѣщеніе какъ этой самой отрасли византійскаго искусства — въ частности, такъ и самой исторіи византійскаго искусства вообще.

Изслѣдованію византійскихъ эмалей Звенигородскаго онъ предпосылаетъ свой взглядъ на тѣ пріемы, которыхъ долженъ держаться изслѣдователь—при изученіи памятниковъ искусства. „Памятникъ,—говоритъ онъ,—долженъ быть освѣщенъ предварительно самъ по себѣ, по своимъ историческимъ признакамъ, и эти признаки должны быть затѣмъ указаны, какъ историческія черты, въ ходѣ иконографическаго типа, сюжета, въ движеніи художественной формы“ (стр. 254)... „Искусство никогда не имѣло подобныхъ евангельскому тексту канонизованныхъ формъ, всегда пользовалось въ церкви и обществѣ относительною свободою, руководилось всегда принципомъ художественности, выразительности, натуральности, или, по крайней мѣрѣ, ясности изображенія, и потому памятники искусства суть всегда выраженіе мысли, чувства, вкусовъ личныхъ, мѣстныхъ и временныхъ“.

Исходя изъ этихъ положеній, изслѣдователь и разсматриваетъ памятники византійской эмали, входящіе въ составъ коллекціи г. Звенигородскаго. Эти памятники представляютъ, по словамъ изслѣдователя, значительную важность своими иконописными типами, превосходно исполненными; они принадлежатъ лучшему времени византійскаго эмалеваго производства, т.-е. первой половинѣ XI вѣка. Они состоятъ изъ медальоновъ, составлявшихъ нѣкогда убранство большой иконы арх. Гавріила въ мон. Джумати, на Кавказѣ. Въ числѣ этихъ медальоновъ имѣется центральная группа Спасителя, съ Богородицею и Предтечею по сторонамъ, апостолы Петръ и Павелъ, три евангелиста (кромѣ Марка) и три святыхъ: Георгій, Димитрій, Ѳеодоръ.

Всѣ эти священныя изображенія составляютъ собою тотъ иконописный типъ, который составился окончательно въ IX ст. и въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ былъ употребителенъ для украшенія священной утвари въ греческой церкви. Это—Деисусъ. Проф. Конда-

ковъ указываетъ, съ одной стороны, на связь мысли этой иконы съ идеей особой церемоніи императорскаго двора (съ IX же вѣка), а съ другой стороны, на выраженіе въ ней богословскаго пониманія, назначенія церкви и религіозныхъ вѣрованій.

На подобнаго рода отношенія, на историческія черты образовъ указываетъ изслѣдователь далѣе постоянно при обозрѣніи всѣхъ медальоновъ; на ряду съ этимъ идутъ указанія на особенности художественной техники. Сводя въ общее эти различныя черты, особенности, получаемъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики и эпохи, и состояніи искусства въ эту эпоху, т.-е., исходя изъ данныхъ памятниковъ, получаемъ картину изъ культурной исторіи. Изслѣдователь лишній разъ и особенно ясно своими анализами памятниковъ подтверждаетъ, что „византійская иконопись вообще имѣетъ вполнѣ реальную подкладку, а данныя работы X столѣтія приводятъ къ тому выводу, что какъ бы ни были древни ихъ традиціонныя основы, мы имѣемъ въ нихъ, въ собственномъ смыслѣ, памятники этого времени“ (стр. 283). Сила анализа проф. Кондакова въ этомъ изслѣдованіи особенно ярко проявляется; лишь войдя въ глубину предмета, можно съ полною свободою анализировать составъ извѣстной композиціи, черты извѣстнаго образа, какъ это онъ дѣлаетъ.

Трудно указать въ литературѣ по византійскому искусству болѣе точную, ясную, живую характеристику византійскаго орнамента (а вмѣстѣ съ тѣмъ указанія основъ византійскаго искусства), какую находимъ въ послѣднемъ трудѣ проф. Кондакова. Если будетъ когда-нибудь составляться хрестоматія по исторіи византійскаго искусства, то она непремѣнно войдетъ въ нее.

Изслѣдованіе византійскихъ эмалей собранія А. В. Звенигородскаго составляетъ содержаніе 3-й главы труда проф. Кондакова. Въ 4-й главѣ онъ разбираетъ уже русско-византійскія эмали того же собранія. Результаты этого разбора являются въ высшей степени поучительны для русской археологіи. Они наглядно показываютъ, какъ дѣйствительно могутъ быть полезны для изученія нашей родной старины штудіи по византійской археологіи.

И къ этой главѣ, какъ и къ предыдущей, изслѣдователь предпосылаетъ общія соображенія, или, вѣрнѣе, результаты изъ тѣхъ наблюденій надъ памятниками, которые предлагаются имъ далѣе.

Главный изъ этихъ результатовъ тотъ, что „древняя Русь до татарскаго нашествія близко знала византійскія и восточныя художественныя производства, могла оцѣнить ихъ достоинства, и сама нѣ-

когда владѣла множествомъ самыхъ разнообразныхъ произведеній этого рода“ (стр. 307).

„Западная наука,—говоритъ проф. Кондаковъ,—посвятила много труда на разработку вопроса касательно исторіи усвоенія германо-галльскими народами римскаго преданія отъ временъ Тацита до XII вѣка включительно. Русской наукѣ, въ свою очередь, предстоитъ въ будущемъ столь же обязательная, но еще болѣе сложная и богатая задача—изслѣдовать историческій переходъ различныхъ промысловъ и производствъ съ Востока и изъ Византіи на Русь и въ югославянскія земли“... „Исторія искусствъ,—продолжаетъ онъ далѣе,—рѣшается до сихъ поръ утверждать, будто европейское народное искусство проявляетъ признаки своего существованія лишь съ конца X столѣтія, и то лишь въ нѣкоторой переработкѣ традиціонныхъ формъ, главнымъ образомъ, римскихъ, изрѣдка византійскихъ. Полное народное творчество появляется, будто бы, только въ XIII вѣкѣ, и вмѣстѣ съ нимъ совершается перемѣна какъ въ художественной промышленности, знавшей до XIII вѣка только одно церковное дѣло, архитектуру, утварь, священные сосуды, книги и пр., — такъ и въ самомъ быту, который оставался для народа варварскимъ (въ смыслѣ примитивнаго), а для высшихъ сословій подражательнымъ, римскимъ“ (стр. 309).

Среда русскихъ древностей приводитъ изслѣдователя къ инымъ воззрѣніямъ: „Народное творчество,—говоритъ онъ,—установило свою полную типическую самобытность задолго до X вѣка: тѣмъ болѣе, начала художественной промышленности выразились, прежде всего, не въ церковной архитектурѣ и ея видахъ, но въ обиходной жизни, въ быту, костюмахъ, украшеніяхъ и пр. Народный бытъ развился въ оригинальныя формы уже въ самую раннюю эпоху, ранѣе V вѣка, когда были восприняты съ особою силою культурныя формы Византіи и среднеазіатскаго Востока, такъ какъ все было приготовлено и способно къ этому воспріятію“.

Матеріалы къ экскурсу, дополняющему исторію византійской эмали и вводящему въ обширную среду культурныхъ связей Южной Россіи съ Азіей и Византіею, даютъ автору — древне-русскія серьги-колты, украшенныя эмалью—изъ собранія г. Звенигородскаго.

Проф. Кондаковъ разсматриваетъ здѣсь—историческое происхожденіе колтовъ, даетъ знакомство съ кладами эмалевыхъ древностей, найденными въ Россіи, описываетъ и анализуетъ памятники этихъ кладовъ, останавливается на техникѣ и орнаментикѣ эмалевыхъ серегъ, на иконографіи часто встрѣчающейся на этихъ серьгахъ птицы сиринъ;

переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію эмалевыхъ цѣпей, къ обзору перегородчатыхъ эмалей, находящихся въ Грузіи, и въ заключеніе трактуетъ о русской финифти и о лучшемъ представителѣ древне-русской эмали—кіевской діадемѣ, или женскомъ золотомъ вѣнцѣ, открытомъ въ 1889 г. въ Кіевѣ вмѣстѣ съ значительнымъ кладомъ.

Въ этой діадемѣ, какъ и во множествѣ мелкихъ вещей, описанныхъ въ данной главѣ, видны, по мнѣнію проф. Кондакова, еще византійское искусство, но уже русское мастерство.

„Исторія разнообразныхъ скрещиваній искусства европейскаго съ художественными производствами Востока — заканчиваетъ онъ свой трудъ—обозначается отнынѣ все настоятельнѣе и настоятельнѣе, какъ основная задача русской археологической науки. Именно въ русскихъ древностяхъ она получаетъ наиболѣе богатые для того матеріалы, которымъ, конечно, предстоитъ со временемъ стать въ центрѣ важнѣйшихъ научныхъ вопросовъ исторіи средневѣкового искусства“.

Двѣ первыя главы труда проф. Кондакова являются какъ бы введеніемъ къ самому изслѣдованію эмалей собранія А. В. Звенигородскаго.

1-я глава такъ и называется „техническое введеніе въ исторію перегородчатой эмали“. Здѣсь авторъ разсматриваетъ: технику эмали въ древнемъ Египтѣ, Ассиріи и Финикіи; греческія эмалевыя издѣлія; эмаль въ искуствѣ народовъ Европы въ римскую эпоху; эмали галльскія, прирейнскія и англосаксонскія; находки въ Швеціи и Россіи; эмаль въ древностяхъ Венгріи; эмали кавказскія; происхожденіе эмалеваго производства средневѣковой Европы изъ Персіи и Средней Азіи; начала эмали византійской и господства вида прозрачной эмали; технику византійской или перегородчатой эмали.

2-я глава посвящена обзору памятниковъ византійской перегородчатой эмали. Эти памятники обозрѣны здѣсь и изучены дѣйствительно „въ такой полнотѣ, какъ ни въ одной европейской книгѣ, и нигдѣ не являлись въ такой поражающей массѣ“.

Авторъ описалъ, проанализировалъ, установилъ заново даты множества памятниковъ, ихъ происхожденіе, назначеніе; внесъ массу новаго матеріала, намѣтивъ пути и пункты для болѣе детальнаго изученія становящихся извѣстными памятниковъ. Всѣ эти изслѣдуемые, обозрѣваемые имъ памятники были изучены имъ непосредственно на мѣстѣ; со многихъ изъ нихъ впервые даются превосходные снимки. Выполненіе этой главы представило несомнѣнно наиболѣе всего труда почтенному изслѣдователю и всѣ будущіе изслѣдователи византійской эмали

будутъ съ благодарностью пользоваться ею, такъ какъ ни одна работа по эмалямъ византійскимъ не можетъ теперь быть плодотворной, если не будетъ исходить отъ того матеріала, который предложенъ въ трудѣ проф. Кондакова.

Памятники, подлежавшіе его обозрѣнію, подраздѣлены имъ на отдѣльныя группы: престолы и запрестольные образа (престолъ церкви св. Амвросія въ Миланѣ; образъ церкви св. Марка въ Венеціи; образъ Хахульской Божіей Матери въ Гелатѣ); кресты и тѣльники (Ахена, Кельна, Полоцка, Мартвили, Новгорода, Копенгагена, Эссена), оклады Евангелій (библіотеки и ризницы церкви св. Марка въ Венеціи, церквей и библіотекъ Сіены, Москвы, Мюнхена); кіоты (Лимбургскій, Грана, Ганау и Грузіи); потиры и дискосы (ризницы св. Марка въ Венеціи); короны и вѣнцы (Желѣзная, Венгерская, Константина Мономаха, Карла Великаго); предметы личнаго убора.

Таково содержаніе и значеніе труда проф. Н. П. Кондакова.

„Исторія византійской эмали“ Н. П. Кондакова нашла достойную оцѣнку въ западной научной литературѣ. Мы въ данномъ мѣстѣ не въ состояніи ни перечислить, ни указать тѣхъ многочисленныхъ, восторженныхъ отзывовъ, которые появились въ западныхъ газетахъ и спеціальныхъ журналахъ. Приведемъ лишь нѣкоторые отрывки изъ отзывовъ Диля и Вебера.

„Настоящій трудъ, — говоритъ Веберъ [1]), — касается лишь одной вѣтви византійскаго золотыхъ дѣлъ мастерства — техники эмали и ея памятниковъ, но онъ построенъ такъ широко и на такомъ широкомъ основаніи, что, читая его, не замѣчаешь, какъ изъ такой маленькой почвы выросло роскошное дерево съ цвѣтами и плодами. Мы не можемъ не отмѣтить, какъ выдающееся въ этомъ единственномъ во многихъ отношеніяхъ трудѣ то, что автору его удивительнымъ образомъ удалось связать описаніе и исторію техники одной отрасли художественной промышленности съ развитіемъ искусства, по крайней мѣрѣ, на Востокѣ, такъ что мы въ немъ имѣемъ не только одинъ отдѣлъ исторіи византійскаго искусства, но обзоръ развитія искусства у многихъ народовъ, на протяженіи многихъ вѣковъ. ...Видя силу своего изслѣдованія въ азіатскомъ происхожденіи этого искусства, Кондаковъ прослѣживаетъ развитіе техники эмали чрезъ всю исторію древняго міра до отдаленнѣйшихъ временъ человѣческой культуры... И онъ разсматриваетъ не только технику, но и краски, орнаментъ, содержаніе изо-

[1]) Repert. für Kunstwis. XVIII (1895), 288 и сл.

браженій, и движеніе стиля византійской эмали всегда съ точки зрѣнія связей съ Востокомъ. Авторъ „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства“ находится здѣсь въ своей излюбленной области. Рядъ интереснѣйшихъ культурно-историческихъ вопросовъ проходитъ предъ читателемъ, дальнѣйшее разрѣшеніе которыхъ дастъ матеріалъ на десятки лѣтъ для новыхъ изслѣдованій... Кондаковъ подвергаетъ критикѣ имѣвшія въ свое время важное значеніе изслѣдованія де-Линаса, Дарселя и идетъ дальше ихъ... Невозможно прослѣдить всѣ его заключенія. Масса остроумныхъ замѣчаній, наводящихъ взглядовъ вознаграждаетъ того, кто со вниманіемъ—страница за страницей—пройдетъ чрезъ густой лѣсъ экзотическихъ извилинъ. Постепенно лѣсъ освѣщается, мы вступаемъ свободно и находимся вновь въ Византіи, какъ въ началѣ изслѣдованія...“ Указавъ на важность описаній памятниковъ эмали, сдѣланныхъ Н. П. Кондаковымъ, въ которыхъ опредѣляется ихъ время, устанавливается ихъ связь съ другими, дѣлается художественная ихъ оцѣнка, Веберъ переходитъ къ важности иконографическихъ экскурсовъ въ этомъ трудѣ, которые для западныхъ ученыхъ въ немъ становятся впервые извѣстны. Подводя итоги своимъ указаніямъ, Веберъ заключаетъ: „такой источникъ представляетъ этотъ трудъ для литературы, иконографіи, для памятниковъ и для вопросовъ развитія (искусства)!“

„Это полная исторія византійской эмали, — говоритъ Диль [1]) въ своемъ отзывѣ о трудѣ,—ея началъ, техники. ея долгихъ и славныхъ судебъ; нельзя въ достаточной степени выразить похвалы поистинѣ удивительной эрудиціи, которая блеститъ въ этихъ страницахъ, глубокому знанію памятниковъ, геніальнымъ, глубокимъ взглядамъ, которые бросаются имъ иногда мимоходомъ...“

Многочисленные труды, тяжелый петербургскій климатъ надорвали здоровье Н. П. Кондакова и вскорѣ послѣ возвращенія изъ Палестины онъ, по совѣту врачей, долженъ былъ переселиться на югъ. Не порывая связей съ университетомъ, съ учеными учрежденіями, онъ и здѣсь, на югѣ, не оставляетъ своихъ ученыхъ трудовъ; любовь къ наукѣ, къ искусству, къ распространенію научныхъ познаній о немъ, о родной старинѣ, забота о распространеніи, развитіи искусства на родинѣ [2])— побуждаютъ его и здѣсь къ многочисленнымъ трудамъ, даютъ ему силы

---

[1]) Gazette d. B. Arts, XIII (1895), 294 и сл.

[2]) Въ качествѣ члена Высочайше назначенной Коммиссіи по пересмотру устава Имп. Академіи Художествъ участвовалъ въ составленіи устава, Высочайше утвержденнаго въ 1893 г. и состоитъ членомъ этой Академіи теперь, принимая участіе въ ея дѣлахъ. Въ то же время онъ состоитъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ.

и вдохновеніе для совершенія того, что сослужитъ великую службу наукѣ. За время пребыванія на югѣ (въ Ялтѣ) Н. П Кондаковымъ приготовленъ къ печати капитальный трудъ по русскимъ древностямъ, который скоро появится въ свѣтъ въ изданіяхъ Императорской Археологической Коммиссіи; приготовленъ также къ печати V выпускъ „Русскихъ Древностей"; въ то же время онъ сталъ собирать матеріалъ для широко задуманнаго учено-художественнаго изданія: иллюстрація евангелія картинами, исполненными лучшими художниками и воспроизводящими на основаніи археологическо-историческихъ изысканій обстановку, бытъ времени Христа.

Таковы многочисленные, многозначительные для науки, искусства вообще и для науки русской археологіи въ частности труды Н. П. Кондакова, совершенные имъ въ теченіе 30 лѣтъ. Пожелаемъ же ему здоровья, бодрости, энергіи для совершенія новыхъ трудовъ, да послужитъ его дѣятельность высокимъ примѣромъ для молодыхъ дѣятелей на нивѣ изученія отечественныхъ древностей.

Кромѣ трудовъ Н. П. Кондакова, перечисленныхъ выше, намъ извѣстны слѣдующія его мелкія статьи и замѣтки:

1. Какая возможна въ современной наукѣ археологіи постановка вопроса о вліяніи въ области искусства вообще и византійскаго искусства въ частности? Бюллет. VI Одесскаго Археол. Съѣзда, 1884, № 4, 11.

2. Константинопольскія церкви. Тамъ же, № 7, 15.

3. Древности Константинополя. Новь, 1885.

4. О современномъ состояніи отдѣловъ византійской археологіи. Труды Моск. Арх. Общ., IX.

5. Докладъ о памятникахъ византійской древности въ гор. Ѳеодосіи.

6. Докладъ о старинныхъ русскихъ образкахъ. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. III (1888), стр. CII.

7. Разборъ труда В. В. Стасова: Образцы славянскаго и восточнаго орнамента по рукописямъ. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. IV (1889), XXIII—XXVI.

8. Разборъ сочиненія Н. В. Покровскаго: Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. VI (1893), XVI—XVII, L—LV.

9. Рецензія на сочиненіе В. К. Мальмберга: Метопы древне-греческихъ храмовъ. Ж. М. Н. Пр. 1892, 339—353.

10. Отзывъ (совмѣстно съ В. Г. Васильевскимъ) о сочиненіи Д. Ѳ. Бѣляева: Систематическій обзоръ главныхъ частей Большого Дворца византійскихъ царей. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. VI (1893), XLVI—L. Рецензія на то-же сочиненіе и на другое того-же автора: Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в.—въ Визант. Врем. I (1894), 173—180.

11. Рецензія на сочиненіе А. Л. Бертье-Делагарда: Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Ж. М. Н. Пр. 1893, декабрь, 388—396.

12. Некрологъ П. И. Савваитова. Ж. М. Н. Пр. 1895, октябрь, 26—31.